

ЕЛИЗАВЕТА ДВОРЕЦКАЯ

КНЯГИНЯ ОЛЬГА
ЛВЫ ЗОЛОТОГО ЦАРСТВА

Елизавета Алексеевна Дворецкая
Княгиня Ольга. Львы
Золотого царства
Серия «Княгиня Ольга», книга 10

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22958441

Издательство «Э»;
ISBN 978-5-699-94547-4

Аннотация

Ради укрепления и возвышения Руси княгиня Ольга отправилась в Греческое царство, дабы заручиться поддержкой царя Константина. Военный союз помог бы ее сыну, киевскому князю Святославу, разбить Хазарский каганат. Но это не всё, о чем осмелилась просить Ольга... Приняв крещение и став духовной дочерью византийского правителя, она надеялась достичь сразу нескольких целей, однако поездка в Царьград принесла совершенно иные плоды...

Содержание

Пролог	4
Часть первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	157

Елизавета Дворецкая

Львы Золотого царства

Пролог

Эту сказку я впервые услышала от старой княгини Годонегги – моей бабушки по матери. Помню, что нам с Утой было лет по пять, а сестры еще даже разговаривать не умели: ползали по полу и порой принимались вопить. Не удержалось в памяти, как баба Годоня тогда выглядела, хотя в то время ей полагалось быть еще довольно крепкой женщиной. Может, лет на пять старше, чем я сейчас. Остался только ее голос и те образы, которые вставали у меня перед глазами по мере ее рассказа.

– ...Доехал Запечник до ледяной горы – стоит гора высокая, верхушкой в небо уперлась. Надел на руки и на ноги железные когти и полез на гору. День лезет, другой лезет...

Эта ледяная гора из сказки бабушки Годони сливалась в моих мыслях с Йотунхеймом – страной ледяных великанов, о которых нам рассказывал отец. Когда Запечник странствовал, отыскивая свою мать – княгиню Золотую Косу, – я все время ждала, что он на них наткнется. Но встречалось ему нечто совсем иное.

– Видит: медный дворец стоит, у медных ворот змеи на

медных цепях прикованы, так и кишат. У медного колодца медный ковшик висит...

Когда наши скутары наконец вышли из Босфора в Пропонтиду – мне тогда уже казалось, что мы странствуем, будто в сказке, целых три года, – все это разом предстало передо мной: горы цвета железа, каменные стены и кровли дворцов, залитые медью греческого заката. В наших краях – ни на Великой, ни на Днепре – я никогда не видела такого золотисто-медного заката, в котором переливались бы всевозможные оттенки желтого, без капли багреца. Наверху и внизу, как отражения друг друга, простирались вересково-черничные полотна – небо и море...

Довольно скоро нам встретилось и остальное: медные колодцы-крины, серебряные двери, золотые ковши. Бронзовые змеи, угрожающе раскрывшие пасти на три стороны света, и всякие другие невиданные звери. Царица на высоком престоле, что «в самоцветные наряды убрана, золотым венцом увенчана». Я въяви попала туда, куда молодцы из сказок проникали, взобравшись на ледяную гору или спустившись через дыру в земле.

Но... Кириос о Теос!¹ Порой во мне оживал голос бабы Годони и возникало чувство, будто я лишь слушаю сказку о себе. И бабка по матери виделась мне такой, какой я встретила ее последний раз в жизни: старухой-птицей в берестяной клювастой личине, стражницей рубежа между миром живых

---

¹ Господи Боже! (греч.)

и мертвых. Поднявшей клюку с угрозой: вам не выйти отсюда!

Но все-таки мы вышли. Я сидела с хозяевами Золотого царства за золотым столом, ела с золотых блюд и пила из золотых кубков. И невольно искала взглядом то колечко, «в котором все Золотое царство состоит». Чтобы, вернувшись домой, прокатить его по дороге – и все Золотое царство перед тобой как жар горит...

Часть первая

– Эльга, сегодня! – Ута открыла глаза и устремила взгляд в шерстяную кровлю. – Сегодня мы будем дома.

– Да ладно тебе... – вяло отозвалась княгиня, не поворачиваясь к ней. – Не верю.

Ута не обиделась. Они ночевали вдвоем в шатре, посреди стана, устроенного на берегу Днепра возле урочища Ковали. На высоком прибрежном склоне когда-то, во времена древлянского владычества над полянами, раскинулось поселение, откуда в Киев возили кузнечный товар. Сейчас оно лежало полузаброшенным, и лишь у двух-трех облупленных хатенок паслись козы, возились босоногие дети в коротеньких рубашонках и валялись в тени тощие собаки. Княгине с ее многочисленной дружиной там не нашлось бы пристанища, и заночевали на лугу: для женщин и послов поставили шатры, а отроки и челядь спали прямо у костров, благо ночи в травень месяц выдавались ясными.

– Что, не мараморяные лежанки? – улыбнулась Эльга, глядя, как Лютегость, посол от плесковского князя Белояра, ее двоюродного брата, сам раскатывает свой постельник поверх груды елового лапника: земля весной еще влажна и холодна.

– Да ну их к лешему! Я, матушка, на том камне все бока изломал! – откровенно ответил Лютегость. – Лучше на земле спать, к тому же на нашем берегу – уже почти дома!

И засмеялся: до настоящего дома ему предстояло ехать еще столько же.

Это был тридцатый ночлег посольства после входа в Днепр из Греческого моря. День Эльга и Ута проводили на корме самой большой княгининой лодьи, где над задней скамьей устроили полотняную сень для защиты от солнца. Во время дождя или сильного ветра на нее накидывали бычью кожу. Там они и сидели – то обмахиваясь веткой от жары, то кутаясь в свиты и толстые шерстяные плащи от пронизывающего холода с воды. За время путешествия этот полог стал им родным домом – и ненавистным, и любимым. Отсюда они смотрели на каменистые земли Греческого и Болгарского царства, на бескрайние заросли лозы в устье Днепра, на зеленые кручи и дальние луга Нижнего и Среднего Поднепровья.

По пути к морю русы одолели низовья Днепра вдвое быстрее, а обратная дорога против течения, по большей части на веслах, казалась бесконечной. Дни почти не отличались один от другого, и каждый тянулся долго-долго. Разнообразию внесло лишь прохождение порогов, но и те давно остались позади. Женщины уже изнемогали: Предслава, Прибыслава, Володея, Горяна, Ярослава, Святана и Живляна только и ныли целыми днями, как они устали и как хотят наконец увидеть свой дом и детей. Эльга понимала их: она тоже не видела дом и детей целый год. И все же усмирляла их, чтобы не голосили, а терпеливо сносили невзгоду. «Мо-

литесь лучше, Бог укрепит», – говорила она им, и они умоляли в недоумении. Они умели причитанием вымывать тоску из сердца, но молитвой переплавлять ее в радость им еще предстояло учиться. Долго учиться...

Ута вылезла из-под двух одеял и взялась за гребень. К концу четвертого десятка лет, после шестикратных родов, у нее осталось не так много волос, чтобы для ухода за ними требовалась помощь: она расчесывала, заплетала косы и укладывала сама. Эльга наблюдала за ней, не шевелясь. Ута спешила, будто боялась не успеть с убором до прибытия в Киев, хотя лоды стояли у берега. И судя по тишине вокруг, вся многочисленная дружина спала, даже отроки еще не ходили выбирать поставленные на ночь сети. Это она от волнения. Того же, что отняло у Эльги последние остатки растроченных в путешествии сил. Сейчас, когда до дома оставался один шаг, княгиня чувствовала себя такой усталой, что лежала пластом и с ужасом думала, что встать все же придется. Придавливала к земле сама мысль о беспредельности пройденного пространства. За море сходили, они, женщины!

– Ты сама-то веришь? – спросила Эльга, глядя в спину сестры.

Ута обернулась, опустив гребень, и посмотрела на нее таким несчастным взглядом, будто услышала что-то обидное:

– Что мы сегодня будем в Киеве?

– Что Киев есть на свете.

– Когда в Царьград ехали, ты не спрашивала, есть ли он

на свете.

От соседних шатров донесся плач младенца, потом сонный женский голос. Живляна Дивиславна отправилась в поход заодно со своим мужем, Одульвом, и возглавляла служанок Эльги. За время путешествия она успела и зачать, и родить четвертое свое дитя. Как раз под весеннее равноденствие, когда греки отмечали церковный праздник Эвагелизмос², а русы у себя в палатионе Маманта, крещеные и некрещеные, вместе ели блины и любовались «медвежьей пляской» отроков, за отсутствием медвежин укутанных в черные овчины.

Ута снова принялась водить гребнем слоновой кости по своим рыжеватым, уже наполовину поседевшим волосам. Прибрала голову, нацепила волосник, стала разбирать платье, сложенное с краю. При этом шепотом постанывала: пуховые постельники за время пути свалялись, у женщин побаливали бока от спанья на неровной земле. Эльга и Ута были еще далеки от дряхлости – обеим три года не хватало до сорока, – но все уже не молоденькие девушки, которые таких мелочей не замечают.

Но вот Ута надела платье, подпоясалась и откинула полог. В полутемном шатре повеяло свежестью, Эльга глубоко вдохнула запах травы, земли, влаги. Этого им так долго не хватало в жарком, душном Греческом царстве, что она и сейчас не могла насытиться. Не встретишь здесь кружа-

---

² Благовещенье Пресвятой Богородицы, 25 марта.

щих голову жасмина и розы, но от пронзительного запаха диких трав над большой рекой во всем теле вспыхивало ощущение жизни. Этот утренний дух будил воспоминания о каких-то давно миновавших зорях, когда она, еще молоденькая девушка, в такой же ранний час выходила на берег – только тогда это был не Днепр, а Великая, река северных кривичей, – и будущее лежало перед ней, огромное и неведомое, как те края, куда утекают реки.

Теперь жизнь ее была под стать тому величественному зрелищу, что открывалось из-под шатерного полога. Синяя ширь Днепра внизу под береговым склоном, зеленые полосы островов, дальше пышные белые облака на небокрае – будто огромные Перуновы овцы ночуют на земных лугах, прежде чем вновь выйти пастись на голубые вышние просторы. А еще дальше на север, пока не видный, ждал ее Киев – город на трех горах. Сегодня им предстоит встретиться. И город ждет: из Витичева, где ночевали вчера, вперед послали конного гонца.

За последние двадцать лет река жизни унесла Эльгу очень далеко от той прежней девушки, что гуляла у Русальего ключа над Великой. Но порой, вдохнув пронзительную свежесть утренней земли, она вдруг ощущала ту девушку совсем рядом. И даже вновь верила в будущее счастье, хотя уже знала всю правду о своей судьбе.

Суда входили в Почайну. Солнце клонилось к закату, но еще не стемнело. Эльга и Ута, прибранные и принаряженные, сидели на корме, откуда уже сняли полотняную сень. Позади них шла лодья, где устроились две младшие княгини – Володея и Прибыслава, потом – нынешний древлянский князь Олег Предславич с женой и дочерью. Яркие шелковые одежды послов и женщин Эльгиной свиты – зеленые, голубые, желтые, смарагдовые, с цветными узорами – среди серых и белых свит на гребцах издалека бросались в глаза.

Теперь-то они умели одеваться и сами смеялись над собой-прошлогодними, которые без смущения натягивали облачения греческих священников, с залатанной на спине дырой от копья. Каждым таким платьем гордились поколениями: дескать, мужа дед привез из Олегова похода! Эльга потом видела многочисленные церкви, монастыри и поместья на Босфоре, в которых Вещий и взял свою добычу. Зато теперь ее знатные спутницы почти не отличались от ромейских патрикий: вместо прежней сорочки – туника с шитыми опястьями, поверх нее – стола из гладкого шелка, а на плечах – узорчатая накидка-пенула с золотой каймой.

О возвращении княгини известили заранее, и весь город высыпал ее встречать. Горы, склоны, даже тростниковые крыши изб и клетей – все было усеяно народом. Издали го-

рожане в белых и серых сорочках напоминали голубей. Все кричали и махали руками. По левую руку Эльга видела Святую гору со своим новым двором, потом Киеву гору. Какой простор здесь, какая воля! За год она забыла это ощущение – когда смотришь на мир сверху, будто птица, и хочется летать. Там, в Царьграде, среди великолепия каменных громад, человек казался маленьким, как мышь, а тут превращался в великана.

Громко стучало сердце.

– Больше волнуюсь, чем когда невестой ехала, – вырвалось у Эльги, и она невольно взяла Уту за руку. – Тогда, думала, сердце выскочит, а теперь понимаю – то смех был, а не тревога.

Ута не ответила, но стиснула ее пальцы. Казалось бы, за мужество, ради которого Эльга приехала в Киев впервые, уже более двадцати лет назад, – самый важный перелом в жизни женщины. А вот нет. Теперь они подъезжали к Киеву совсем с другой стороны – не с полуночи, а с полудня, – пережив куда более важный переход. Совлекши с себя ветхого человека и облачившись в Иисуса Христа... И обе тайком трепетали от страха перед новой жизнью, которую им придется вести на старом месте, в старом окружении. Заново искать и налаживать связь со своей же родней. Общая кровь в их жилах осталась та же, но пути духа разошлись так далеко, что от мысли об этом земля будто таяла под ногами.

Сейчас закончится долгий путь, завершится странствие,

продлившееся целый год. Как только она ступит на плахи подольского причала, порвется невидимая связь с Золотым царством – та, что она ощущала все эти два месяца с тех пор, как покинула град Константина.

Вот уже видны впереди пристани, полные народа. Наверное, такая же толпа собралась здесь, когда от греков возвращался Олег Вещий – повесив цветные паволоки на штевни и борта судов, так что его лодьи скользили по воде, будто чудные ирийские птицы.

– Вон князь! – крикнул Гридя-кормчий, вытянув шею. – Сам вышел матушку встречать!

«Ну, хотя бы жив», – мелькнуло в голове, и мысль о сыне придала Эльге сил. Она встала и шагнула вперед, оперлась о борт.

И Киев открылся перед ней во всю ширь – крутые горы, взвозы и тропки на склонах, избы, причалы, люди... Глаз по привычке искал что-то огромное – палатионы, церкви, стены, колонны – но самым большим здесь были сами горы. Все привычное по прежней домашней жизни теперь показалось маленьким.

Зато она увидела Святослава – он стоял под своим красным стягом, который в любой толпе указывал: князь здесь! Да он и сам напоминал стяг: в красном кафтане, размахивал над головой шелковой шапкой на соболях, и его светлые волосы золотились под солнцем. Он что-то кричал, но Эльга не различала его голоса среди рева толпы. Кружилась голова, и

Ута, выискивая глазами собственного сына Улеба где-нибудь возле князя, подхватила ее под локоть. Эльга едва дышала: эти последние мгновения давили на грудь, будто мешки с песком. Уж скорее бы... Скорее вернуться целиком, ступить в свою новую жизнь на старом месте...

Лодья ударилась бортом о причал, закачалась на волне. Перекинули сходни: Эльга слышала, как глухо стукнуло дерево о дерево, и сердце сжалось, будто вплотную придвинулась некая опасность. Редко ей удавалось сойти с лодьи с таким удобством: обычно приходилось забираться на скамью, садиться на борт, а оттуда прыгать в руки Мистине Свенельдичу, который, стоя на песке или прямо в воде, принимал сперва княгиню, потом свою жену Уту, чтобы поставить на землю.

А по сходням уже бежал Святослав. После годовой разлуки Эльге бросились в глаза перемены: он возмужал, еще немного подрос, раздался в плечах, и в лице его проглядывало нечто столь суровое, что на миг этот крепкий светловолосый мужчина показался ей чужим. Это был совсем не тот мальчик, которого она по привычке воображала в разлуке!

– Мама! – кричал он.

Подскочил и схватил ее в объятия, бросив шапку на днище. Прижал к себе, так что она задохнулась, отстранился, поцеловал раз, другой, третий.

– Вижу, здорова! Ну, слава Перуну!

– А там... – Эльга глубоко вдохнула, но ей едва хватало

воздуха, чтобы говорить. – А там ворота прямо в воду смотрят, и с лодий в них все поднимают: товары всякие...

– Где – там? – Святослав, смеясь, поднял бровь.

– Ну, в Константинополе... И причалы там каменные.

Она и сейчас ясно видела это перед собой: шелковистую синеву Босфора, белые каменные стены, встающие, как кажется, прямо из воды, а в них – окна, большие и малые, через которые особыми хитрыми устройствами поднимают грузы прямо с кораблей. Каменные львы, стерегущие причал у дворца Вуколеон, тонкие колонны в арочных окнах...

Она сама не знала, почему заговорила об этом прямо сейчас. Себя не помнила, не находила нужных слов. Смех Святослава помог ей хоть чуть прийти в себя. Сердце колотилось во всю грудь, дыхание теснило, голова кружилась, в ушах шумело. Помнится, так же она себя чувствовала, когда впервые увидела Константинополь...

Ведь она не просто прошла через нижнее течение Днепра и Греческое море. Где-то на этом пути пролегла невидимая грань тридевятого царства, разделявшая два настолько разных мира, что они просто не могли находиться на одном и том же свете.

Дома... Кириа тон Уранон³...

Эльга оглядывалась, сидя на лавке, и не верила своим глазам. Бревенчатые стены, полки с расписной посудой, ларцы под шелковыми покрывками, лавки под овчинами, печь в углу и за ней дверь в голбец... Было двойственное чувство: что все это ей мерещится, и одновременно казалось, что она никуда и не уезжала, а все увиденное за Греческим морем ей приснилось. За год она так привыкла засыпать и просыпаться в китоне, среди стен, отделанных плитами желтоватого мрамора, с цветной росписью под сводом и порфирированными столпами по углам, что здесь показалось темно и тесно.

Погладила медвежину на лавке: новая совсем. Кто-то позаботился: в избе все прибрано, хлеб испечен, еды разной наготовлено, пиво сварено.

– Это Прияна вчера приходила, – доложила Браня.

От радости девочка то прыгала на одной ножке, то садилась к матери и обхватывала ее руками изо всех сил, потом опять вскакивала и принималась прыгать. Этот год она жила то у брата и молодой княгини, то у воеводы Асмунда, своего двоюродного дяди, но каждый день томилась по родной матери.

---

³ Владычица Небесная (греч.)

– Как ты выросла... – в третий раз проговорила Эльга.

Пока она странствовала, Бране исполнилось восемь – и в конце этого лета будет девять. Девочка заметно вытянулась, и коса ее теперь доставала до пояса – совсем как у большой, взрослой невесты.

– Прияна с Дивушей приходила, смотрела, как убирают, велела хлеб печь, пироги, – рассказывала Браня. – Говорила, небось княгиня-матушка за морем соскучилась по пирогу с грибами, где же там грибов хороших достать? Там правда нет грибов?

Эльге не хотелось есть, но, боясь обидеть невестку, она поела пирога. И вкус запеченных в пшеничном тесте соленых грибов с луком показался не менее чудным, чем кисло-сладкой, набитой крошечными зернышками греческой сики, когда она впервые ее раскусила.

– Как вы... как она... ладили вы с ней? – Эльга посмотрела сперва на Браню, потом на Святослава, сидевшего напротив.

– Да все путем, – ответил он, даже будто бы с недоумением: а чего могло случиться?

– Как она?

– Говорит, все как надо.

– Ей ходить тяжело, – вставила Браня. – Жаловалась, голова болит.

– Я завтра приду к вам, – пообещала Эльга сыну. – Непременно приду.

Хотя сомневалась про себя: хватит ли сил одолеть путь до

Олеговой горы, где жила молодая чета. Он волнения и потрясения встречи с домом она чувствовала такую усталость, будто весь путь от Константинополя прошла пешком.

Год назад она уезжала незадолго до ожидаемых родов невестки, но весь этот год не ведала, как все прошло: жива ли Прияна, живо ли дитя, кто родился? И только на обратном пути, возле устья Днепра, когда им повстречались киевские купцы во главе с Бёдваром, едущие в Царьград, узнали наконец, что молодая княгиня принесла мальчика, дитя здорово. Назвали, к изумлению Эльги, Ярополком.

– Почему? – спросила она теперь у сына. – У нас никто таким именем не звался...

Заранее имя ребенка не обсуждают, но она не сомневалась, что Святослав наречет первенца именем основателя рода или своего отца. И вдруг какой-то Ярополк!

– Ингваром Прияна не захотела – мой отец ведь ее отца зарубил, – напомнил Святослав. – Я еще думал – Олегом, но она сказала, есть же Олег древлянский, зачем еще один? А мне нравится Ярополк – славный воин будет!

Эльга подавила вздох. Поздно спорить – уж дела не поправить. Будь она тогда дома, не допустила бы, чтобы единственным носителем имени, олицетворяющего славу руси, остался соперник ее сына и внука. Однако ее не было, и молодые распорядились по-своему.

– Ну, второй будет Олег, если ты хочешь, – утешил ее Святослав, поняв по лицу матери, что она недовольна. – Скоро

уже.

Невестка не пришла встречать Эльгу, поскольку в ближайший месяц ожидала вторых родов. И уже за это Эльга могла простить ей не только причуды с именами. Так хотелось, чтобы у Святослава родилось много сыновей! Трое, пятеро – лишь бы ей дальше быть спокойной за свое наследство. Все близкие были живы и здоровы, ничего страшного за год в Киеве не случилось, но облегчение не придало ей сил: наоборот, легло на плечи мягкой периной, из-за чего тянуло прилечь.

– И завтра поговорим, – добавила она, видя вопрошающий взгляд сына. – Сегодня мне с мыслями не собраться.

Святослав не был так неучтив, чтобы набрасываться на мать с расспросами, не дав передохнуть с дороги. Но, разумеется, ему очень хотелось поскорее услышать привезенные новости. Ей ли не знать его нетерпеливость...

– Ну, иди к жене, – мягко сказала Эльга сыну. – Поклонись от меня. Скажи, я завтра приду и подарки принесу. Или хочешь, возьми для нее что-нибудь сейчас.

– Да сама принесешь. – Святослав не придавал этому значения. – Ей не до нарядов.

– Ступай. Я в баню, да отдыхать...

– Отдыхай! – Святослав подошел, поцеловал ее, прижался лицом к белому повою. – Не верится, что ты воротилась.

– Скучал? – вырвалось у Эльги.

– А то как же?

Она улыбнулась, покачала головой. Да разве он мог сучать – этот сильный, решительный мужчина, источавший уверенность и властность, которые делали его на вид старше, чем настоящие двадцать с небольшим лет. Когда она, сидя в палатине Маманта или качаясь в лодье, вспоминала сына, он виделся ей то мальчиком, то отроком, и она беспокоилась о нем, как об оставленном без пригляда ребенке. Зря беспокоилась. Это давно уже мужчина, настоящий князь, который хорошо справился и без нее. Она надеялась, что так.

Святослав еще раз поцеловал ее, кивнул другим женщинам и вышел.

– Глазам не верю... – бормотала Володея, оглядываясь. – Там, мнилось, я на том свете, теперь воротилась – опять на том свете. Где же он, тот свет – здесь или там? Не знаешь, Елька?

Эльга лишь закрыла глаза и слабо покачала головой. Родственниц – свою родную младшую сестру Володею, княгиню черниговскую, и двоюродную внучку Прибыславу, княгиню смолянскую, – она привела к себе. Им еще предстоял дальнейший путь по собственным домам: Володее – поближе, а Прибыславе – еще с месяц добираться вверх по Днепру, до Свинческа, стольного города восточных кривичей.

Ее спутницы-киевлянки разошлись по своим дворам, ездивших с ней челядинок Эльга тоже распустила отдыхать. Скрябка, остававшаяся дома с Браней, уже два раза приходила сказать, что баня готова, но усталые странницы никак

не могли собраться с силами и встать с дубовых лавок. Точно как там, у Маманта, когда впервые после путешествия сели на свои беломраморные лежанки и стали озира́ться с изумлением, не находя слов.

«Прямо Золотая палата!» – в прежние годы говорили льстивые купцы, оглядывая цветную посуду на полках у княгини, шелковую занавесь у постели, ларцы, отделанные медью и резной костью. Эльга и сама считала, что жилище у нее красивое и богатое – особенно в сравнении с простыми избами, где даже по праздникам стены украшаются лишь зелеными венками и шитыми рушниками, а посуда вся желтая и бурая, слепленная руками самих же хозяек. Но Золотая палата, иначе Хризотриклиний... Те купцы сами не знали, о чем говорили. А она теперь знает. И если бы кто-нибудь вновь сказал Эльге, что ее просторная изба похожа на Золотую палату, она смеялась бы до слез.

* * *

Пожалуй, русам повезло, что приема у василевса им пришлось дожидаться два месяца с лишним. К тому времени когда их привезли в Большой дворец, княгини и боярыни уже попривыкли и перестали визжать и хвататься друг за друга при виде белокаменных статуй и высоченных, как бортовые сосны, колонн. Если бы их прямо сразу по приезде позвали в Мега Палатион – да они не то что слова бы там не вымол-

вили, а и дойти бы не дошли! Осрамылись бы сами и всю Русь осрамыли на веки веков! А так им хватило времени по-привыкнуть – если не к самим чудесам и хитростям греческим, то хотя бы к тому, что эти чудеса здесь на каждом шагу. Приучиться молчать, не застывать столбом и не пучить глаза, даже если никогда в жизни подобного не видел и не понимаешь, что это такое перед тобой.

И все же тем утром, ожидая вестиаритов, русы были сами не свои. Каша ни у кого не лезло в горло; сама Эльга съела чуть-чуть козьего сыра и две ягоды-сики. Наряды, в которых предстанут перед василевсами, все обдумали и передумали неоднократно заранее, но сейчас вдруг показалось, что те никуда не годятся. Дома, на Руси, эти греческие платья вызывали всеобщую зависть как великие сокровища, а здесь?

– Это мне свекор подарил, а у него из добычи Олеговой! – жалобно говорила Святана, глядя на свое платье желтого шелка с вытканными коричневатыми цветами в узорных кругах. – А вдруг узнает кто? Вдруг скажет: мое это?

– Да хозяин помер давно! – утешала ее мать, Ута. – С Олеговых-то времен...

Эльге пришлось пройти по китонам-опочивальням, где обжилась женская часть ее посольства, и самой показать пальцем, кому что надеть. Иначе собирались бы до вечера.

Ей не приходилось выбирать наряд: вот уже много лет, с тех пор как овдовела, она носила платье лишь белого и синего цвета. И теперь, когда прибыли уже знакомые ей «львы»

этериарха Саввы – с копьями, в белых плащах и золоченых шлемах ради важного события, – она вышла на мощный двор, одетая в белую далматику с отделкой голубого самита и жемчужным шитьем. Под платьем на ней еще была та сорочка, в которую ее вчера облачили после купели, и потому волноваться о том, достаточно ли хорош ее наряд, казалось не только глупым, но и греховным. На шитом золотом очелье покачивались тонкие цепочки золотых же подвесок моравской работы, на груди лежало ожерелье из смарагдов и жемчужин – давний, еще предсвадебный дар Ингвара. Не намеренная состязаться с порфирородными по части роскоши и блеска, Эльга осталась довольна своим видом. Но и спутниц понимала: половина гречанок на улицах Константинополя носили такие платья и накидки, за какие любая княгиня отдала бы лет пять жизни.

Этериарх Савва Торгер, в золоченом шлеме, какого Эльга еще не видела на нем, стоял возле носилок. Его торжественный и притом веселый вид отражал важность события, которого она ждала с таким волнением. Даже приподнятые кончики его седых усов сегодня имели задорный вид, светло-серые глаза блестели на морщинистом загорелом лице, будто нынешний день обещал радость и честь и для него самого.

– Рад приветствовать тебя, госпожа Елена, в этот счастливый день – первый день после твоего истинного рождения, рождения во Христе! – Он поклонился, как будто сегодня это доставляло ему особенное удовольствие.

Когда Эльга подошла к носилкам, собираясь сесть, Савва склонился к ней и произнес, понизив голос:

– Тебе следует знать: ради сегодняшнего приема открыли Магнавру.

– Что? – Эльга обернулась. – Что открыли?

– Магнавру. Это самый старый из дворцов, в его палате для приемов стоит Трон Соломона. Ею сейчас пользуются редко, только для самых важных случаев. Сегодня не было царского выхода, как положено по утрам, и сейчас, пока ты еще едешь, весь синклит облачается в золоченые мантии, а препозит уже приготовил хламиду и венец для облачения владыки. Полагаю, богохранимый василевс намерен поразить тебя своим величием.

Последние слова Савва произнес полушутливо, но при этом смотрел на Эльгу весьма многозначительно.

– Чтобы мы от такой роскоши пустили «теплого» в порты, – шепнул Мистина, на правах близкого родича вклинившись между княгиней и этериархом.

Эльга с трудом подавила беспокойный смех. Мистина тоже надел лучшее платье: белый кафтан, с отделкой из красновато-золотистого узорного шелка во всю грудь, с золотыми пуговками до пояса, греческой работы штаны полосатого красно-синего шелка, синий плащ с золоченой застежкой. Нарядный и уверенный, с ухоженной русой бородкой, внушительного и привлекательного вида, старший посол при каждом выходе в город собирал с гречанок немалую дань

восхищенными взглядами. На его рост и мощное сложение даже Савва смотрел с сожалением: в ряды дворцовых телохранителей-«львов» отбирали крупных парней, но Мистина и среди них выделялся.

Эльга уселась в носилки, Мистина закрыл дверцу, шестеро рабов подняли их на плечи и понесли по мощенной кирпичом дороге от палатиона к гавани предместья Маманта. Свита и вестиариты двинулись пешком. Дорогу к пристани накануне вымели и даже облили водой, чтобы пыль не садилась на цветные одеяния посольства. Пестрое шествие состояло из более чем сотни человек, не считая отроков-гребцов; поглядеть на это сбежались все окрестные жители, бросив работу. После пережитого вчера, во время своего крещения в церкви Богоматери Халкопратийской, сегодня Эльге хотелось бы поменьше шума и побольше покоя. Но не она здесь решает, что и как будет происходить.

День предстоял очень длинный. Асикриты Артемия Конда, логофета дрома, подробно рассказали княгине и свите о порядке приема и не отстали, пока не убедились, что все русы всё уяснили.

– Обычно дворцовые служители вводят послов в триклиний под руки и показывают место, где надлежит остановиться и приветствовать василевса, – объяснял Эльге помощник логофета дрома. – Твоя светлость желает, чтобы тебя вели под руки?

– Меня не нужно вести под руки. – Эльге не хотелось вы-

глядеть немощной, будто древняя бабка, которую не держат ноги, и она надеялась справиться без посторонней опоры – а к тому же брезговала теми безбородыми скопцами, которые намеревались ее вести. – Я смогу дойти сама.

Асикрит лишь покачал головой, но не стал ее разубеждать. А он-то знал, зачем заведен этот мудрый порядок!

Приемов на сегодняшний день предстояло целых шесть, из них Эльге придется участвовать в пяти. Кириэ Иису Христэ, фээ му!⁴ Лучше не думать, что станет с ее головой и ногами к окончанию этого дня. Разве что укрепит ее силы помазание святым миром, еще не смытое с тела. Ведь ей предстоит непростой разговор. Чтобы сохранить ясную голову, пожалуй, стоит поменьше глазеть по сторонам.

Уже в носилках Эльга опомнилась: надо было поблагодарить Савву за предупреждение. Он истинный друг ей, хоть и слуга василевса. Но Савва со своими помощниками возглавлял шествие, и сейчас она уже не могла ничего ему сказать.

* * *

Когда двадцать лет назад Эльга приехала в Киев, там еще жили два-три участника давнего посольства в Царьград Олега Вещего. Один из них, Лидульв, тогда уже старый и больной, почти не владел ногами, зато отличался гостеприим-

---

⁴ Господи Иисусе Христе, боже мой! (греч.)

ством, и целыми днями у него на дворе шла гульба. Лидульв часто рассказывал молодежи о Царьграде, о том, как русские послы посещали золотые палаты «василеса» и что там повидали. «Такое дерево стоит золотое возле места василесо-ва, а на нем и веточки, и листики – все из чистого золота. А на каждой веточке птичка сидит золотая, у одних глазки смарагдовые, у других – из лала или еще какого камня самоцветного. На ступенях места царского стоят звери разные, и тоже все из золота! Василес платком взмахнет, скажет им – пойте! – птички поют, звери рычат, хвостами машут! Впереди у него сидят два золотых льва – это как псы огромные, с бычка ростом, а на шее у них такая шерсть растет густая, будто воротник из кудели...». Почти все время Лидульв был нетрезв, и его хоть и слушали с увлечением, но не верили. Птички золотые, да еще и поют! Псы в воротниках из кудели – тоже золотые, и рычат! Силен старик в уши заливать!

Торговые гости в Царьград ездили всякий год, но во дворце, пред лицом «василеса», русы бывали с тех пор только однажды: когда лет за пять до гибели Ингвара заключали с греками новый договор. Киевлян среди них имелось лишь трое, но Ивор и Вуефаст подтверждали: да, видели и птичек, и львов. Эльга все равно не верила. Такого же просто быть не может! Золотые вещи не способны шевелиться и петь! Скорее она поверила бы, что у послов рябит в глазах и шумит в ушах от окружающего великолепия. А может, от вина, что еще вероятнее. Очутившись в Греческом царстве, где даже

рабам полагается по корчажке вина каждый день, русы даром времени не теряли, зато иные теряли разум и здоровье...

Уже здесь, в Царьграде, вспоминая рассказы Лидульва, Эльга думала, что старик-то, пожалуй, от всех чудес тронулся умом. Каменных львов она увидела еще на причале дворца Вуколеон, когда впервые прибыла на встречу с патриархом: они и правда походили на огромных псов с длинной шерстью на шее, но не шевелились и не рычали. Каменные же!

Но ох, какое спасибо ей сегодня пришлось сказать уже давно покойному старику Лидульву!

Мега Палатион, иначе Большой дворец... Сегодня лоды, миновав устье Суда, пристали у ворот Святого Лазаря. Сами ворота, кстати сказать, были невелики и скорее напоминали калитку, хоть и снабженную косяками резного мрамора. «Боятся нам широкий путь показать», – сказал ей Мистина, помогая выйти из лоды, и Эльга снова еле сдержала беспокойный смех. Чего доброго – придет к василевсу, смеясь, как дурочка.

Но ей хватило времени успокоиться: путь предстоял еще неблизкий. Миновали монастырь Святого Лазаря, и вестияриты во главе с Саввой повели русов вверх по склону горы, по лестницам белого мрамора, к южному входу во дворец. И сам этот вход не получалось окинуть взглядом. Треугольная белокаменная кровля вздымалась к небесам, почти сливаясь с облаками. Кровлю держали толстые колонны, а к высочен-

ным дверям с изображением огромного креста вели ступени красного камня. Они думали: ну и громадина – дворец василевсов! По ступеням шли, держась друг за друга, чтобы не упасть от головокружения. А оказалось – это только крыльцо!

Перед входом посольство встречал папий – дворцовый управитель и хранитель ключей. Эту должность, как и другие при домашней жизни василевса, мог занимать лишь скопец. Эльга успела повидать их уже немало, но всегда с неловкостью смотрела на эти безбородые лица: ни мужики, ни бабы, не пойми что! За дверями гости расстались с вестиаритами; Савва на прощание сделал Эльге выразительный знак, желая удачи и победы. Она улыбнулась ему и повернулась к дворцу с таким чувством, с каким, наверное, князья-мужчины выходили на битвы.

Пройдя ворота, русы вновь оказались под открытым небом и застыли в недоумении: куда они попали? Вместо жилия перед ними лежал огромный сад, через который тянулась белокаменная гладкая дорога – хоть сорок человек в ряд пройдут. Она вела к трем высоким узорным дверям, и по сторонам сквозь зелень виднелись красноватые кирпичные стены, высокие окна с полукруглым верхом, купола, крытые блестящей на солнце бронзой, а по сторонам – длинные вереницы мраморных колонн обрамляющих двор галерей.

Оказалось, это только так говорится: дворец василевса. И даже Большой дворец. Это был не один дворец, а десят-

ки пристроенных друг к другу дворцов, открытых и крытых дворов, церквей, ведущих вверх и вниз лестниц, облицованных камнем прудов, переходов и садов, понастроенных разными владыками за пять-шесть столетий. Во все стороны тянулись ряды столпов с резными навершиями, округлые своды, обрамленные узорным камнем, блистающие ворота, пестрые росписи... Куски неба над внутренними дворами сменялись разрисованными кровлями, живые люди – каменными и бронзовыми. Спутницы Эльги порой охали, не решаясь пройти через какой-нибудь двор, где все-все было выложено кусочками цветного стекла, которые складывались в картины, красочные на белом: звери, люди, птицы, деревья, плетенки из цветов и плодов! На сложные тонкие узоры робели ступить – казалось, сомнешь. Не верилось, что это не вышито шелком, а выложено прочным стеклом. Привозимые на Русь стеклянные бусины продают по кунице за каждую, а тут это сокровище ногами топчут! Женщины шли маленькими шажками, как по льду, и хватались друг за друга. От изумления и восхищения сбивалось дыхание, в животе что-то стыло, скручивалось и обрывалось. Если бы русы не прожили уже три месяца в палатионе, где все это имелось, пусть и в куда меньшем количестве, не повидали Святую Софию и другие роскошно отделанные храмы, то «теплого в порты» было бы не миновать...

Наконец их привели в Магнавру – главную палату, где василевс принимал знатных гостей. Остановились перед вы-

соким входом с полукруглым узорным сводом – дверь заменяла завеса зеленого шелка, расшитая орлами и крестами. За спиной Эльги выстроились по порядку знатности ее спутницы: Володея, Прибыслава, Ярослава – княгиня древлянская с дочерью Горяной, потом Ута и Предслава – родственницы Эльги, обе бывшие княгини, но уже не носившие сего звания. За ними Живляна и Святана возглавляли почти два десятка служанок: греки объяснили, что без них архонтиссе-игемону показываться неприлично, а знатные гречанки ходят по улицам в сопровождении, бывает, и двух сотен своих рабов. Далее стояли мужчины: древлянский князь Олег Предславич и воевода Мистина Свенельдич, как самые знатные из послов и ближайшие родичи Эльги, за ними другие приближенные, потом – двадцать послов от владык, что под рукой Киева, а за ними – сорок с лишним купцов. Замыкал строй киевский священник, отец Ригор, в своей серой одежде среди этих палат похожий на тень. Толпа получилась знатная, и Эльга беспокоилась в душе, а поместятся ли они в василевсовой приемной палате.

Глупая дикарка, чащоба запечная! Она могла бы привести половину большой княжеской дружины – полтысячи человек...

Эта Магнавра... Вот отдернулся занавес, и папий сделал гостье знак: иди. Эльга двинулась вперед, чувствуя, как в тот же миг шевельнулась и тронулась с места вся толпа позади нее. И это придало ей сил, будто она составляла единое целое

с этой сотней человек и питалась их соединенной мощью. Хотя на самом деле каждый лишь не сводил глаз с ее спины и следовал за княгиней, мечтая не споткнуться, не поскользнуться, не налететь на идущих впереди и не пропустить миг, когда надо остановиться.

А она, возглавлявшая всех, делала шаг за шагом как по воздуху, не чуя под собой ног. Где-то рядом гудели рожки, но эти звуки доносились до нее как через стену.

Палата оказалась огромной, как поле... или как лес, потому что два ряда колон делили ее на три части и мелькали на ходу, точно стволы в каменной чаще. И эти колонны сияли, обернутые листовым золотом, так что захватывало дух. Было ощущение невероятного волшебства: будто после долгого пути она наконец достигла вершины мира и идет по прозрачной кровле неба. Через чудесный золотой лес к самому солнцу, горящему в вышине. Она покинула землю, вознеслась в иные, небесные царства, попала туда, куда простые смертные могут залететь только мыслью.

Под колоннами вдоль прохода выстроились василевсовы приближенные: важные, частью с бородами, частью с гладкими лицами – скопцы, с цветными золочеными мантиями на плечах. Расшитые самоцветами воротники говорили об их высоких чинах и званиях. С другой стороны стояли царские телохранители, подчиненные Саввы: все на подбор рослые, рыжебородые уроженцы Северных Стран. Но взгляд Эльги неудержимо притягивало солнечное сияние впереди.

Вот он, золотой трон на возвышении, куда ведут ступени из камня, зеленого с темными прожилками, гладкого как стекло. На нем четыре золотых столба под пурпурной сенью, между ними – престол василевса. Кто может сидеть на таком – разве что само солнце!

Чудо Греческого царства – его земной владыка, смертное божество, подчиненное тому главному, небесному Богу, которого она видела в необъятной Святой Софии. Она уже встречала Константина и царицу Елену вчера, в церкви Богоматери Халкопратийской, во время священнодействия крещения, но тогда ей было не до того, чтобы разглядывать своих восприемников и тем более разговаривать с ними. Вчера Константин и Елена постояли со свечами в руках у нее за спиной, потом обошли вместе с ней вокруг купели и после всего поздравили с новым рождением, приложившись к челу духовной дочери благословляющим лобзанием. Но она их даже не разглядела толком и лишь теперь пыталась охватить взором и умом этого человека, который отныне считался и отцом ее, и земным ее Христом.

На бога этот мужчина с черной бородой и в золотых одеждах, вознесенный над миром, походил куда больше, чем на отца. Первая мысль – Перун. Именно так в прежней жизни воображение рисовало верховного владыку неба, коему приносились жертвы в жаркую летнюю пору и перед военными походами, чьим именем клялись. И увидеть его Эльге привелось только сейчас, когда очей ее коснулось помазание и

им открылся благодатный свет... Да нет же, какой Перун! Это сам Бог-Отец – главный из той троицы, в которую она вчера пообещала верить и не обращать помыслов к ложным богам...

Звуки органов смолкли, и Эльга каким-то чудом вспомнила: пора остановиться. Она смотрела на Константина – будто боялась, что если отведет глаза, случится нечто непредсказуемое... Развеются чары, весь этот дивный мир поплывет и растает... и она вместе с ним...

С Соломонова трона взирал на нее, с выражением невозмутимого величия, мужчина лет пятидесяти – уже весьма зрелый, но далекий от дряхлости. Продолговатое, заметно удлинненное лицо, ухоженная черная борода – не большая и не маленькая, ровные дуги густых бровей... Темные волосы, по длине чуть ниже ушей, опрятно уложенные полукольцами, над челом – золотой венец с жемчужными подвесками, спускавшимися на плечи. Если бы Эльгу спросили, во что он был одет, она бы ответила просто: в золото и самоцветы. Раньше не поверила бы, что человек может быть одет в золото, будто в полотно, однако наряд василевса так плотно покрывали золотые дробницы с разноцветными драгоценными камнями, что рябило в глазах. Губы Константина были плотно сомкнуты, и хотя особой суровости это лицо не выражало, Эльгу не оставляло чувство, будто василевс ромеев взирает на нее из своего, иного мира.

У ступеней трона стоял уже знакомый ей патрикий Арте-

мий Конд – старший по сношениям с иноземцами, со своим толмачом. Довольно рослый, грузноватый, с красной округлой шапкой на рано поседевшей голове, с выражением важности на полном безбородом лице, тоже с золотой отделкой роскошного платья, он являл собой высокородного стража у священной границы между смертными и божеством.

– Я, патрикий Артемий, логофет дрома, от имени христоролюбивого и багрянородного василевса Константина, сына приснопамятного василевса Льва, приветствую Эльгу Росену, вдову Ингера, архонтиссу русов и игемона, крестную дочь августа, – провозгласил он.

И замолчал, выразительно глядя на нее. Эльга на миг стиснула зубы, заставила себя вдохнуть поглубже. Наставления вылетели из головы, но она и сама имела большой опыт приема знатных гостей и понимала: настал ее черед отвечать.

– Я, Эльга, княгиня русская, приветствую василевса Константина, сына Льва, моего крестного отца, – ясно и четко произнесла она и, глянув в лицо чернобородому владыке, наклонила голову: учтиво, но без робости.

И ей показалось, что угол его рта в гуще ухоженной черной бороды дрогнул, обозначая улыбку.

– Благополучно ли твоя светлость проделала долгий путь от России в Новый Рим? – продолжал логофет.

– Благополучно. За заботу вам спасибо, – она снова наклонила голову, чувствуя, как качнулись к глазам золотые моравские привески на очелье.

И те драгоценные, тонкой работы украшения, что в Киеве делали ее лицо подобным солнцу, здесь, среди этого золотого великолепия, казались простенькими и тусклыми, как приувядшие полевые цветы среди благоуханных роз, гиацинтов, лилий и олеандров в царских садах.

– Здорова ли твоя светлость?

– Здорова.

– Здоров ли твой сын, архонт Сфендослав, сын Ингера?

– Здоров.

– Благополучны ли земли, находящиеся под рукой твоей светлости?

– Благополучны.

– От имени василевса Константина, а также сына его, василевса Романа, верных во Христе самодержцев, а также августы Елены и всех детей их, я рад приветствовать твою светлость в Василии Ромеон и в Константинополе. Да пребудет с тобой благословение Божье.

– Да пребудет также и с вами.

И тут началось...

Все впереди пришло в движение. Два золотых льва на зеленой каменной ступени вдруг приподнялись, как живые, и встали на четыре лапы. Хвосты их задвигались туда-сюда. Пасти распахнулись, золотые языки зашевелились, и раздалось рычание! Одновременно две большие золотые птицы на спинке трона развернули крылья и двинули ими вверх-вниз; хвосты их вдруг расправились полукружием, являя во

всем блеске длинные золотые перья с самоцветами. Во время беседы Эльга замечала этих животных краем глаза, но старалась не отвлекаться, дабы не брякнуть что невпопад; она лишь успела отметить, что, похоже, Лидульв и прочие не сочли нужным насчет золотых зверей.

Больше того – они действительно могли оживать! Эльга вздрогнула от неожиданности, а позади нее раздался женский визг: кто-то из спутниц не сдержался. Львы шевелили лапами, будто сейчас сойдут с места; птицы поднимали и опускали крылья. Спиной чувствуя легкую суету позади, Эльга стиснула руки, так что перстни впились в кожу, и отчаянным усилием воли осталась неподвижной. Она принуждала себя стоять прямо и не сводить расширенных глаз с движущихся золотых зверей: не может быть, чтобы хозяева этих чудес хотели причинить ей вред. Про опасность Лидульв ничего не говорил...

От потрясения Эльгу била дрожь, перехватило дыхание. Ну и колдовство! Про хитрость волховскую всякое рассказывают, но она никогда не видела, чтобы колдуны заставили двигаться неживое. А греки смогли! И она даже не заметила, кто и каким образом оживил золотых львов и птиц. Все свершалось как бы само собой.

Золотое дерево возле трона, справа от нее, тоже наполнилось жизнью: само-то дерево с ярко блестящими зеленой эмалью листочками стояло на месте, но на ветвях его вертелись туда-сюда и пели золотые птицы с рубиновыми и сма-

рагдовыми глазками. Свистели, щебетали, пищали... Эльга не могла разобрать, есть ли какой лад в их свисте: у нее шумело в ушах, кровь гудела в голове.

В это время у входа в палату тоже кто-то зашевелился. Вошли какие-то люди, Эльга мельком оглянулась, и ей стало чуть легче. Появился дворцовый управитель, а за ним несли ее собственные дары, привезенные для василевсов.

Что подарить – об этом в Киеве спорили чуть ли не всю зиму. Чего такого поднести грекам, чего у них нет? В прежние годы послы Олега и Ингвара дарили меха и челядь: именно то, чего грекам и нужно от русов. И теперь, глядя, как шествие вступает в палату под рычание золотых львов и свист золотых птиц, Эльга приободрилась и даже легонько улыбнулась: ее задумка себя оправдала.

За служителями следовали ровно двадцать пар: отрок и девица, все от четырнадцати до семнадцати лет, приглядные собой. Их набрали из числа всех племен и родов, подвластных Киеву: от уличей на юге до чудинов на севере. Каждый был одет в наилучшие одежды по своему обычаю, украшен начищенной бронзой и медью, и каждый нес по полусорочку дорогого меха: девушки – соболей или куниц, парни – бобров и лис. Судя по напряженным лицам и застывшим взглядам, они тоже стиснули зубы и старались хотя бы переставлять ноги, не падая. Позвякивание бронзовых подвесок на их гривнах, поясах и обручьях если не заглушало пение золотых птиц, то все же пробивалось сквозь него. И Эльга пе-

ревела дух: при виде даров, воплощавших многолюдство и богатство подвластных ей земель, она даже в этой сияющей золотом и мрамаросом палате ощутила себя не жалкой испуганной дикаркой, а почетной гостьей, способной порадовать хозяев.

– Велика земля Русская, – сказала она, указывая на челядь, выстроившуюся вдоль палаты, – обильна племенами и народами, зверем в лесах, рыбой в реках, всяким житом на полях. От себя и сына моего Святослава, от иных светлых князей и бояр, под рукой нашей сущих, приношу я дары христолюбивым василевсам Константину и Роману, а также августе Елене и невестке ее Феофано, а также их багрянородным детям.

Константин улыбнулся, уже не таясь, и даже кивнул ей со своего золотого трона: ему с высоты еще лучше открывалось это и впрямь красочное зрелище.

– Василевс Константин благодарит Эльгу Росену за эти прекрасные дары от своего имени и от имени своей августейшей семьи, – поклонился ей логофет дрома. – Теперь же прошу твою светлость проследовать для отдыха.

И указал на выход.

Эльга еще раз кивнула Константину, повернулась и пошла назад через длинную палату. Золотые птицы пели ей вслед...

Едва проснувшись, Эльга повернулась и чуть не упала с лежанки. Дожили, Кириос Пантодинамос⁵. На последних мгновениях сна ей мерещилось, будто она опять в шатре, на постельнике – как почти все тридцать ночей перед этим. Отвыкла от лежанки, и уж совсем отвыкла от собственного дома... Отшатнулась от края, наткнулась на чье-то плечо, вздрогнула, не поняв спросонья, кто это лежит рядом с ней, ближе к стене. Потом вспомнила: это же Володея, ее родная младшая сестра, ныне княгиня черниговская.

Только в этой поездке они и познакомились толком. С детства Эльга была неразлучна с Утой, своей двоюродной сестрой и ровесницей: за всю жизнь их пути расходились лишь пару раз и ненадолго, хотя именно за время этих разлук и происходили самые важные, переломные события их судеб. С родными же младшими сестрами, Бериславой и Володеей, Эльга навсегда рассталась, покинув осиротевший отчий дом. Ее замужество определило судьбы трех ее сестер тоже. Вслед за нею и Ута вышла замуж – за Мистину Свенельди-ча, Ингварова побратима. Несколько лет спустя подростковую Володею выдали за Грозничара, будущего князя черниговского, а Бериславу – за Тородда, младшего брата Ингвара. И

---

⁵ Господь Вседержитель (греч.)

хотя Володея в Чернигове оказалась куда ближе к старшей сестре, чем жившая на Волхове Берислава, виделись они не более раза в год.

Бериславы уже не было в живых: года полтора назад она умерла, оставив Тородда с тремя детьми. Зато Володея охотно откликнулась на приглашение сестры съездить в Царьград. В их внешности общая кровь совсем не сказывалась: Володея уродилась не в дядю Хельги, как Эльга, а в мать. Округлым лицом, широко расставленными большими серыми глазами и русыми косами она так ее напоминала, что у Эльги первое время щемило сердце при виде сестры.

О матери они ничего не знали. Овдовевшая Домолюба умерла для людей в тот же год, как Эльга сбежала из дома, а продолжает ли она свое существование в избушке Буры-бабы или уже ушла к дедам окончательно – дочерям никто не сообщал.

В дороге Эльга жила в одном шатре с Утой. Теперь Володея спит на ее лежанке, потому что... Ах да, Ута со всем семейством ушла к себе домой. Посольство прибыло в Киев... еще вчера. Они уже дома. Хождение их заморское окончено, начинается обычная повседневная жизнь...

Эльга села и откинула шелковую занавеску. Очень старую – еще из Олеговой добычи полувековой давности. Нужно будет сегодня велеть повесить новую – из тех паволок, что привезли.

Сидя на лежанке, Эльга смотрела на свою избу, словно ви-

дела впервые. Оконца были отволочены – уже тепло, но комары еще не летят, – поэтому свет проникал внутрь через небольшие прямоугольные отверстия, позволяя глазу различить бревенчатые стены, полки с посудой, укладки и ларцы. На лавке спит Прибыслава, на своем ларе – Браня, возле нее на полу бывшая кормилица, ныне нянька по имени Скрябка (княгиня смолянская заняла ее обычное место). Прочая челядь – в децкой избе.

Вспомнилось, как сидела в китоне василиссы Елены – это такой покой, вблизи палаты для пиров, где та отдыхает между приемами. Так вот, один этот китон, где Елена и ее женщины проводят лишь немного времени, и то не каждый день, больше всей этой избы. А уж про убранство и говорить нечего...

* * *

Со своей крестной матерью, василиссой Еленой, Эльга по-видалась почти сразу, как под пение золотых птиц покинула Магнавру. Упал за спинами свиты зеленый занавес, шитый золотыми орлами, скрывая чудное зрелище. Папий повел посольство сперва через сад, потом через богатые покои, отделанные блестящим гладким камнем разных цветов. По пути видели сложно устроенную багряную завесу-сень, под которой хранился золотой венец. Эльга удивилась про себя: только что она видела один венец на голове у Константина,

а здесь другой – сколько же их у него? Да еще те, что висят в Святой Софии, куда их ангел принес! Тогда ей казалось, что этим чудесам должен быть предел, что вот теперь она видела все... и каждый раз обманывалась.

Иные покои были как положено, а у других одну стену заменяла череда столпов, держащих крышу, а за ними сиял под солнцем мозаичный внутренний двор. В одной такой палате без стен, только со столпами, они и остановились. Вдоль стены тянулись мраморные скамьи с подушками, крыша давала спасительную тень.

– Здесь твоя светлость может отдохнуть, – при помощи здешнего, дворцового толмача сказал ей папий. – Вскоре вас пригласят в триклиний Юстиниана, где вас примет августа и ее невестка. А пока позволь предложить тебе и твоим людям подкрепить силы.

На столах красовались серебряные блюда с яблоками, разноцветным виноградом, грушами, ломтиками дынь, а еще стеклянные кувшины с прохладной водой, мурсой и разведенным вином, рядом стояли кубки. Плоды здесь хранили в колодцах, и при подаче на стол они оказывались прохладными, что в жару очень кстати. Эльга и княгини сели, расправили платья. Она не удержалась и погладила скамью: гладкий как стекло мрамор приятно охлаждал пальцы. Даже утишал волнение и выравнивал биение сердца. Эльга старалась дышать глубже: великолепие, громадность, блеск, пестрота всего вокруг слишком подавляли и сбивали с толку.

Но уж конечно, она не первая, кого греки здесь принимают. Они знают, что после встречи с василевсом с его оживающими золотыми зверями всякому гостю, будь он хоть архонт и игемон, надо перевести дух и глотнуть водички.

Но едва княгини успели немного прийти в себя, утереть потные лбы и оправить повои, как прибежал еще один грек и замахал руками: пора.

До Юстинианова триклиния идти пришлось через три дворца и церковь, поэтому в конце пути им снова предложили присесть. Вероятно, еще не завершилось торжественное вступление греческих боярынь, которые должны ждать гостью внутри. Но вот кто-то впереди назвал ее имя – Эльга Росена, потом препозит и два его помощника ввели ее в палату.

Пол покрывали узоры из разноцветного мрамора и кусочков золота; Эльга едва подавила желание подобрать подол и поискать глазами другой путь, чтобы не топтать это великолеpie, но другого пути не имелось. На стенах чередовались плиты разноцветного мрамароса – зеленоватого, розоватого, белого. Выше шли яркие мозаичные картины: Эльга лишь успела заметить множество человеческих фигурок, занятых, кажется, войной, – а над ним раскинулся целый расписной небосвод. На него она лишь глянула мельком и опустила глаза, пока голова не закружилась.

Посреди покоя был выложен круг из кроваво-красного порфира, а на нем посередине устроено возвышение, покры-

тое багряными шелками: тем самым царским пурпуром, который запрещено продавать из Царьграда и о котором Эльга ранее лишь слышала. На возвышении стоял золотой трон, а рядом – кресло, тоже золотое, но пониже и не такое роскошное. Красные же круги, но поменьше, тянулись вдоль стен, и на каждом стояла женщина, будто изваяние на постаменте. Кроме дворцовых служителей-скопцов – эти и не считались за мужчин, – на этот раз в палате оказались одни лишь женщины. Жены магистров, патрикиев и протоспафариев стояли неподвижно, и если ранее, при посещении церквей, Эльге казалось, что мозаичные изображения святых жен уж очень похожи на живых женщин, то теперь эти женщины в ярких паволоках и золоте напоминали ей мозаики. Широкие наряды из плотных, от обилия золотого шитья едва гнущихся тканей придавали им застывший, основательный вид.

Следуя за греком-вожатым между двумя рядами женщин, Эльга успела бегло осмотреть обеих здешних хозяек. Выше всех сидела Елена, супруга Константина, а ее невестка Феофано занимала золотое кресло на одну ступень ниже трона. Вспомнились предания о Деннице, солнечной дочери, которая сидит на небокрае, одетая в платье из солнечных лучей. Именно так и выглядели они обе: в белых шелковых платьях, на престолах из чистого золота, с облаком закатного багрянца под ногами. Грудь и плечи Елены окутывало нечто вроде убруса из золота с самоцветами. Похожий Эльга видела и на платье Константина: обвивая плечи василевса крест-на-

крест, он оборачивался вокруг пояса и спускался к подолу. Как и у супруга, башмаки Елены были пурпурные, расширенные золотыми бляшками с самоцветами и эмалью. Да разве в таких можно ходить, пусть даже по этим золоченым полам? Только скользить по облакам небесным...

Елена, ровесница супруга и мать шестерых взрослых детей, обладала гладким белым лицом, яркими губами, а ее большие глаза под густыми черными бровями казались очень выразительными – но выражали лишь вежливое безразличие с легкой примесью любопытства. Жена ее единственного сына, Феофано, и впрямь была очень хороша собой: правильные черты лица, ровный нос. Черные брови, стрелками поднимавшиеся от переносья к вискам, и яркие полные губы придавали ей целеустремленный и притом задорный вид. Искусно подведенные, осененные густыми ресницами темные глаза блестели любопытством к гостю. Эльге даже показалось, что Феофано – единственная здесь по-настоящему живая женщина.

И все же, несмотря на всю эту роскошь, придававшую женам василевсов божественный вид, Эльга с усилием заставила себя почтительно склонить голову перед ними. По своему роду она настолько же превосходила обеих, насколько этот блестящий золотом, резьбой и цветным камнем Юстинианов триклиний превосходил ее киевскую бревенчатую гридницу. Все, что царицы имели, им дал избравший их Бог. Без Божьего благоволения старшая из них всю жизнь доила бы коз,

а младшая – плясала перед посетителями отцовской харчевни и таскала на поварню грязные блюда.

И от этой мысли разом схлынуло потрясение перед порфирово-мраморной роскошью. Заполучить мраморный покой может кто угодно – вот доказательство перед ней. Но если ты не принадлежишь к роду, наделенному священной удачей, тут никто не поможет!

Вот смолкли звуки органов, спрятанных позади шитых занавесей.

– Боговенчанная августа Елена приветствует твою светлость, Эльга Росена, архонтисса русов, – провозгласил препозит, остановившись перед возвышением. – Также твою светлость приветствует Феофано, супруга василевса Романа.

Повторилось почти то же, что на приеме Константина: теперь уже препозит задавал Эльге все те же вопросы о здоровье и благополучии, она давала те же ответы. Она говорила за себя сама, а царедворец служил голосом и слухом августейшим особам. Устами препозита василисса подтвердила, что она и ее семья здоровы, и снова зазвучал орган. Эльга взглянула на грека; тот кивнул, с поклоном указав ей на выход, и два остиария уже ждали, собираясь проводить ее из палаты.

Княгиню с приближенными вновь усадили там, где они уже отдыхали перед встречей с царицами.

– Елена августа сейчас направляется в свой китон, – пояснил Эльге препозит. – Когда к ней туда проследует василевс Константин и воссядет с супругой и их багрянородными

детьми, твоя светлость будет приглашена к ним для беседы. Там вы поговорите обо всем, о чем желаете.

– Пора бы уже! – вырвалось у Эльги.

Миновали два приема из шести назначенных. У нее впереди еще три! Все только началось, главное – впереди, а ей уже больше всего хотелось закрыть лицо руками и зажмуриться. От обилия золотого блеска, ярких цветов, пестрых узоров рябило в глазах. Но если во время двух первых приемов от русских княгинь требовалось лишь сохранять присутствие духа и не осрамиться как-нибудь, то сейчас ей наконец представится возможность поговорить с василевсом и его женой. Объявить о том, ради чего приехала – кроме того, что уже достигнуто.

Поговорить! Почти целый год она обдумывала и передумывала все, что скажет им – и не одна думала, а со всей дружиной. Но теперь, когда настал час, которого она ждала почти год – и особенно последние три месяца в палатионе Маманта – мысли разбегались, как мыши от кота. Всего увиденного было слишком много, чтобы осмыслить сразу.

Золотые львы! Так они живые или все же нет?

Эльга оглянулась на своих спутниц: глаза у всех как блюдца. Женщины едва смели перешептываться. «А видела, какое у нее... вот красота-то! А венец видела? А обручья? А черевьи? Серьги какие – как только уши не оборвутся! Ой, матушки...». Володея неудержимо икала. Невозмутимый прислужник-евнух поднес ей в золоченом кубке вина,

разбавленного водой.

У Эльги тоже мелькали перед глазами то узоры мозаичного пола, то гладкие бока мраморных столпов, то самоцветные узоры венцов. Но сильнее всего мучило волнение: придут за ней сейчас, не придут? Вроде уговорились твердо, но кто их знает, этих греков?

* * *

Три княгини закончили завтракать – то есть повозили ложками в каше и велели убирать. Уныло обозрели стол, будто надеялись найти там ставшие привычными греческие сырные пирожки с укропом, сладкую ягоду-сику, оливки...

– Вот, – вздохнула Володея. – Приехали...

– Это вы приехали, – отозвалась Прибыслава. – А мне еще месяц вверх по Днепру грести.

– Все равно: теперь уж, считай, дома.

– Надо за дела приниматься, – подхватила Эльга, сама толком не зная, какие у нее теперь есть дела.

Не верилось, что все кончилось. Остались далеко позади беломраморные столпы, расписные стены, цветные узоры полов... Настала прежняя жизнь, но все никак не удавалось войти в нее душой. Будто душа осталась за Греческим морем... там, где они вновь родились во Иисусе Христе... Эльга даже испугалась: а вдруг с такой душой уже нельзя жить на старом месте? Да нет, другие же христиане живут. Отец

Ригор, вон, живет и Богу служит, Олег Предславич живет, Аудун и другие купцы. Правда, им бывает нелегко, но ведь путь Христа избирают не ради легкой жизни на земле. Со-
всем наоборот...

– Надо Ригору велеть молебен справить, – сообразила Эльга. – За наше возвращение.

– Думаешь, услышит? – Прибыслава с недоумением под-
няла глаза.

Эльга вслед за ней посмотрела вверх – на черную, закоп-
ченную кровлю избы.

За этот год они привыкли видеть Бога – в куполах кон-
стантинопольских церквей и храмов, невообразимо высо-
ких и все же открывающих незримые тайны небес для взо-
ра смертных. Сплошь покрытых золотом, источавших сия-
ние, с образами самого Бога и святых. Там Богородица – Ки-
риа тон Уранон, Владычица Небесная, – в синем мафории
держала на коленях младенца Иисуса, или взрослый, боро-
датый Иисус поднимал персты для благословения. И свет че-
рез верхние окна проходил особенный – небесный свет, сам
как ласка божества... Если посмотришь туда подольше, сия-
ние небесного золота начнет затягивать. Там Бог был очень
близко...

Но увидеть его через эту черноту?

Эльга опустила голову.

– Услышит, – твердо сказала она. – Бог вездесущ, разве
забыли, чему учили? Он пребывает везде. И здесь. Он везде,

где есть христиане. Теперь здесь есть мы, а значит, и Он тоже.

Княгини промолчали, но Эльга сама знала, что не совсем права. Бог везде. Даже там, где вовсе нет людей. Даже там, где вовсе нет ничего. Даже когда сама земля была безвидна и пуста, и тьма висела над бездной – Дух Божий уже носился над водою. И уж конечно, он есть и в тех краях, где о Нем до сих пор не ведают.

Она знала это, но не могла поверить полностью. Она помнила... В той далекой тьме, откуда она бежала... Был лес, и вросшая в землю избушка, и старый тын с выбеленными временем коровьими черепами на кольях... Была сторбленная старуха-птица в огромной берестяной личине, самолепный горшочек киселя, ложка из кости, при виде которой невольно думалось: человекья... Бога золотых сводов там не было.

«А ты помнишь, архонтисса, каковы смертные грехи, что человека от Бога отдаляют и благодати лишают?» – как-то в одну из их бесед, уже после крещения, спросил ее патриарх Полиевкт.

«Помню», – на память Эльга не жаловалась.

«А первый какой?»

«Гордыня».

«А почему?»

Она промолчала, ожидая, что он сам ответит.

«Подумай», – сказал он вместо этого.

Эльга часто думала об этом...

– Надо собираться, – она встала. – Пойду невестку прове-

даю. Хотите со мной?

Конечно, они хотели. Но сначала все вместе разобрали пару укладок и выбрали подарки. Эльга привезла много всего, предназначенного нарочно для невестки: иной раз откладывала для нее самое лучшее, отказываясь сама. Пару лет назад, еще до путешествия, Эльга надеялась женить сына на Горяне Олеговне, тогда уже стремившейся к обретению вечной жизни во Христе. И не без мысли, что жена и мать вместе скорее уговорят Святослава, чем только мать. Но судьба опрокинула расчеты: Святослав поехал за невестой для брата, а привез жену для себя. Ту самую, с которой был заглазно обручен с отрочества, но которую ему пришлось почти в последний миг выхватить из рук немолодого полоцкого князя – мало что не с дракой.

За тот год, что до отъезда в Греческое царство они прожили уже новой семьей, Эльга поняла: Святослав любит молодую жену и прислушивается к ней. Но Прияслава не из тех жен, кто станет склонять мужа к греческой вере. Внучка знаменитой в Смоленской земле колдуньи Рагноры, Прияна имела прозвище Кощеева невеста и, как рассказывали, еще в детстве побывала на том свете. Начинать имело смысл с нее самой. И, не в силах доставить к ней Святую Софию и красоты Мега Палатиона, Эльга привезла мелочи: паволоки, ожерелья, ларчики, гребни, чаши...

По пути на Олегову гору, где на старом княжьем дворе жил Святослав с семьей, три княгини приободрились. Народ

радостно приветствовал их, и при виде знакомых гор и берегов оживали в памяти все ощущения прежней жизни. С каждым шагом Эльга все более чувствовала себя дома. Но, вот странность: в Константинополе она томилась и скучала по Киеву, а теперь, едва ступив на берег Почайны, затосковала о белом мрамаросе палатионов, мощеных форумах, высоченных столпах и расписных храмах... Какие они разные, Царьград и Киев, будто небо и земля. И, будто земля и небо, нужны человеку оба.

Олегов двор приветствовал ее ревом дружины. Гриди повалили ей навстречу всей толпой, так что она в невольном испуге отшатнулась и засмеялась: они засмеялись тоже и сами стали осаживать друг друга: не стопчи княгиню, тюлень! При виде знакомых лиц у Эльги навернулись слезы от радости: иных она знала очень много лет, еще с Ингваровых времен. Вот Улеб – сын Уты, вернувшийся домой на полгода раньше, кинулся к ней с объятиями, позади него кланяются рыжий Стейнкиль, Радольв, Градимир, лохматый здоровяк Икмоша со своими братьями и приятелями.

– Княгиня! – неслоь со всех сторон.

– Родная наша!

– Заждались мы тебя!

– Слава Тору!

Отроки тянули руки, пытаясь прикоснуться к ее платью. Со всех сторон ее окружали смеющиеся лица, летели восклицания на славянском и северном языке.

– Да пустите! – Через толпу пробился Мистина, оказавшийся здесь раньше них. – Княгиня внука еще не видела, дайте ей пройти!

Гриди расступились, позволяя Мистине подойти и самому снять Эльгу с коня. На шум вышел Святослав, обнял мать, и наконец Эльга прошла в избу. На миг остановилась за порогом. В этом доме она когда-то прожила двенадцать лет – почти всю свою замужнюю жизнь. Но все убранство составляли незнакомые вещи. Поколения сменяются, будто времена года, придавая новый облик прежним местам. И сейчас Эльга ясно увидела: колесо судьбы уже вынесло ее в осень, а здесь, в ее прежнем гнезде, воцарилось чье-то чужое лето. Посуда, рушники и укладки Прияна привезла как приданое, от прежнего хозяйства Эльги остались только лавки да полки, и по всему ощущалось, что это жилье теперь чужое. До отъезда она не так сильно ощущала эту перемену. Даже пахло по-другому: остро и резко благоухали развешанные по стенам метелки полыни, мяты, душицы, до которых Прияна была большая охотница.

Занавесь у постели висела чужая. И все же вспомнился Ингвар – его серые глаза, рыжеватая борода, складки между крыльями носа и углами рта, шрам галочкой на переносице, заходящий на бровь... В спокойные часы вид у него бывал такой простецкий – будто пастух у стада, – но в мгновения опасности в простых чертах проступал воин, решительный и умеющий быть жестким. Способный послать людей на

смерть и самому без колебаний пойти впереди них.

Вдруг накатила жуть от ощущения пропасти, распаханной между ними. Все эти восемь лет покойный муж отходил в воспоминаниях Эльги все дальше и дальше, постепенно слабело ощущение его присутствия, которое в первое время было таким мощным, что, казалось, можно протянуть руку куда-то в пространство и коснуться его плеча.

Но сейчас Эльга всей кожей ощутила: связь порвана со всем. Огляделась, надеясь видом знакомых стен и лавок оживить воспоминания. Но наткнулась взглядом на резную деревянную зыбку, подвешенную к матице, и мысли перескочили на другое.

Зыбка была та самая – старая, в которой они с Добретой качали Святослава, потом со Скрябкой – Браню. Потом ее за ненадобностью надолго убрали в клеть, а перед отъездом в греки Эльга послала ее Прияне. И вот в ней снова кто-то поселился – плыл в своей первой лодье по волнам времени новый будущий князь Ингварова рода.

Навстречу ей уже шла Прияна, распахнув объятия:
– Жива будь, матушка!

Все соглашались, что жена Святославу нашлась под стать: рослая, крепкая, красивая, бойкого ума и решительного нрава. По отцу, покойному смолянскому князю Сверкеру, Прияслава происходила сразу от двух правящих родов свейских и нурманских земель, а по матери – от старинного рода смолянских князей Велеборовичей. Рожденный ею сын любимым

из русов, как славян, так и варягов, безоговорочно признавался законным наследником Святослава, Ингвара и Олега Вещего. А также полноправным владыкой любых других земель, до которых в будущем сумеет дотянуться мечом.

– Здорова ли? Хорошо ли доехали? – Прияна обняла свежую кровь, сколько позволял выпирающий живот. – Как там греки?

– Ну, показывай хлебы свои! – обняв ее в ответ, Эльга нетерпеливо огляделась. – Хорошо ли упекся?

Прияна сделала знак челядинке, и та вынула из колыбели дитя. Первенцу Святослава был уже без малого год. Смеясь от радости, Эльга взяла его на руки, поцеловала в теплое темечко, прижалась к нему щекой. Из глаз побежали слезы, в груди что-то жгло и переворачивалось от острого чувства счастья.

Внук! Ей хотелось кричать на весь свет: у меня внук, мальчик, наследник! Снова и снова она целовала младенческое личико, скривившееся в плаче: маленький Яр еще не знал бабушку и рассердился, что его разбудили. И она плакала вместе с ним, смеясь в то же время.

Кажется, даже собственному сыну она так не радовалась. Конечно, двадцать лет назад она знала, как важно родить мужу наследника, особенно еще и потому, что слишком беспокоилась, а выйдет ли у нее – разорвавшей связи с родом, оскорбившей богов и чуров, которые в ответ могли бросить ее без помощи. Но тогда беременность, мучения тяжелых ро-

дов, волнение, выживет ли дитя, истомили ее и не оставили сил на радость. А теперь она, без страданий и трудов, в один миг получила готового мальчика – крепенького и здорового. И он такой хорошенький! Впрочем, чему удивиться, если оба его родителя хороши собой?

– Будто грибок-боровичок! – приговаривала Эльга. – Благослови тебя Бог! Эвлойимэни Си эн йинэкси, ке эвлойимэнос о карпос тис кильас Су⁶, – бормотала она затверженные слова греческой молитвы, сама не понимая, обращает эти восхваления к Богородице или к Прияне, чей «плод чрева» держала на руках.

– Что ты там шепчешь? – засмеялся Святослав. – В грехах по-славянски забыла?

– Этого нет по-славянски, – Эльга вздохнула и снова улыбнулась. – Славянские молитвы надо у болгар просить, греки не знают.

– Чего не знают? – нахмурилась Прияна и протянула руки, желая взять ребенка.

– Ничего, – Эльга отдала ей Яра и спохватилась, стараясь отвлечь: – Я же подарки тебе привезла. Показывай, где раскладывать.

А увидев то, что получилось, снова не удержалась от слез. По всей просторной избе – на столе, на лавках, на укладках, даже на полках – лежали платья, покрывала, разверну-

---

⁶ Часть греческой молитвы Богородице: «благословенна Ты в женах и благословен Плод чрева Твоего».

тые косяки тканей. Святослав распахнул дверь, чтобы стало посветлее, и изба запылала ярчайшими цветами – синим, зеленым, рудо-желтым, смарагдовым, лиловым. Солнечный свет играл на узорах – белых, желтоватых, золотистых. Эльга смотрела на это, прижав ладони к лицу и стараясь не расплакаться.

Точно так же все выглядело, когда Ингвар вернулся из второго похода на греков и привез дары, которые василевс прислал ему ради мира. Тогда он сам приказал развесить добычу по всей избе, желая поразить жену, и это ему удалось: она хохотала и рыдала одновременно. Радуюсь не столько подаркам, сколько тому, что Ингвар вернулся – живым и с честью, смыв позор недавнего поражения. Если бы его второй раз ждал такой провал, то лучше бы ему не возвращаться...

И вот теперь она сама вернулась из греческого похода. С победой и добычей? Или с неудачей и стыдом? Так сразу и не скажешь...

– Там вот такие же звери-львы у трона стоят, они из золота сделаны, но могут шевелиться и рычать, будто живые, – рассказывала Эльга Святославу и Прияне. – Это называется ме-ха-ни-кей, – старательно выговорила она заученное слово. – У того старого Соломина-царя львы просто у престола стояли, не шевелясь, а правил сто лет назад в Романии василевс Феофил, а у него был муж ученый, именем Леон – златокузнец, ведал хитрости разные, вот он этих львов золотых шевелиться заставил. Они не живые, – повторила она. –

Сделанные. Не видела бы своими глазами, не поверила бы!

– Ох, матушка! – Святослав покрутил головой и засмеялся. – Мудра ты уехала, а воротилась втрое мудрее.

В глазах его, в голосе Эльга слышала то же недоверие, с каким сама когда-то двадцать лет назад внимала Лидульву, когда тот повествовал о греческих хитростях. Теперь вот и сын думает: мать умом тронулась в греках-то. Сама же говорит: звери не живые, сделанные. А раз сделанные, значит, рычать и хвостами махать не могут. Это и дитя поймет.

Но Эльга не винила его. Уж конечно, все виденное ею и вообразить не сможет тот, кто всю жизнь прожил здесь, на Руси, где нет никаких «механикей»... И гинекеев нет, и станков, где сплетаются в дивное полотно сразу шесть разноцветных нитей. Не видел золотого столпа Юстинианова – высотой с Олегову гору, – обронзовевшего всадника, с той высоты грозящего варварам. Не видел портиков, мощенных каменными плитами площадей, акведука, Морских стен и исполинских каменных башен... Ничего не видел.

Скрипнула дверь, отвлекая ее от воспоминаний, вошла Ута – одетая в старое шерстяное платье, что носила еще до отъезда. Изумленными глазами окинула разложенные везде паволоки, нашла Эльгу.

– Так и знала, что ты здесь! Тебе уже рассказали?

– Что? – Эльга нахмурилась, стараясь вернуться мыслями домой.

– Ой, чуры мои... – Ута закрыла лицо руками, потом про-

вела по нему, будто хотела что-то стереть, но вид у нее был какой-то дикий. Ей хотелось плакать и смеяться разом.

– Да что с тобой? – Эльга шагнула к ней.

Вместо ответа Ута наклонилась вперед и захохотала. Потом распрямилась и выдавила, в изнеможении чувств глядя на сестру:

– Держанка-то моя... двойню принесла.

* * *

Весь остаток дня Эльга разбирала привезенные дары, прикидывала, кому что. Нарочно затягивала это дело, не зная, как после такого путешествия войти в колею прежней жизни. Чередой навевались гости, но отрокам велели пока никого не пускать, кроме особо приближенных. Княгиня обещала вскоре устроить пир и там все рассказать и показать.

Но больше всего ей хотелось побыть с внуками. Вместе с Утой она побывала у средней племянницы, недавно родившей двух девочек-двойняшек, а назавтра снова не удержалась – отправилась к своим молодым.

– Хорошо, что пришла, матушка! – Святослав поднялся ей навстречу. – Мы как раз тебя вспоминали.

Прияна села на постели: несмотря на полуденный час, она лежала, хоть уже оделась. Судя по виду, ей нездоровилось: веки опухли, красивое прежде лицо выглядело отекившим. У лежанки валялись расшлепанные поршни, а босые опухшие

ноги молодая женщина перед приходом свекрови держала на высоком ларе возле постели – чтобы были выше тела. На руках ни перстней, ни обручий: не надеваются.

– Лежи! – попросила Эльга невестку и сама подошла обнять. – Зелия пьешь? Толокнянка помогает, лист брусничный, лист березовый, хвощ. Шипина и земляника тоже хорошо.

– Пью, – Прияна кивнула на горшочек у печи.

Свойствам зелий ее учить не требовалось: бабка и старшая сестра Прияны славились как травницы, и она усвоила эту науку с детства.

– У нас когда зимой Живлянка тем же маялась, к ней лекарь-грек приходил, – добавила Эльга. – Учил петрушку, траву да корень, с соком лимона мешать. Помогало хорошо. Да где здесь взять...

– Мы и листом березовым обходимся.

– Всякий день челядь веники таскает! – усмехнулся Святослав.

Прикрытый завеской живот у невестки «лез к носу». Эльга отметила про себя, что это обещает еще одного мальчика, но промолчала. Об этих делах чем меньше говоришь – даже дома, со своими, – тем лучше. И еще раз подумала: второе дитя за два года! Вот невестку судьба дала! Еще неведомо, получилось бы такое у Горяны или у какой-нибудь из засидевшихся Константиновых дочек. Впрочем, от царевны нужно не это.

Ярик ползал по медвежине, расстеленной на дощатом полу возле родительской постели, играя раскрашенными чурочками. Эльга наклонилась и подняла дитя на руки.

– Здравствуй, Святославич! Хорошо ли спал-почивал?

Мальчик потянулся к подвескам очелья, и Эльга, смеясь, перехватила его руку. Святослав тоже засмеялся:

– Сразу видит, где добыча хороша! Ну что, матушка? – Он сел на лавку и посмотрел на Эльгу. – Не пора ли нам пир устроить, а то люди знать хотят – как ты съездила, о чем с василевсами говорила.

По его глазам было видно: он уже знает самое для него важное. Эльга вспомнила, что вчера здесь мелькал Мистина. И уж конечно, тот приходил не про паволоки рассказывать.

– Мы должны передать дружине, чего греки от нас хотят и что нам ответили, – добавил Святослав, поскольку дружины эти решения касались в первую голову. – Да и пора богам жертвы принести, что сохранили вас в пути.

– Нет, не надо! – вырвалось у Эльги. – Не надо жертвы.

– Почему? – подала с постели голос Прияна.

– Я не могу... – Эльга даже немного растерялась, не зная, как теперь быть.

Молодые правы: после долгой поездки, особенно в чужие края по важным делам, любой князь устраивает принесение жертв и потом пир. И Ингвар так делал после походов, и она сама в прежние годы. Все так делают. Но теперь...

– Я... У меня... Я ведаю ныне единого Бога истинного –

Творца неба и земли, – наконец сказала Эльга. – Иисус говорил: «Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи»⁷.

«Да не будет у тебя других богов перед лицом Моим...»⁸. Об этом патриарх Полиевкт много раз беседовал с ней, твердил строгие заветы Божьи. Ибо знал, что новообращенная архонтисса возвращается в свою языческую страну, где закон Божий почти неведом.

Эльга понимала, что будет нелегко. Даже там, близ золотого сияния храмов, с трудом удавалось охватить умом все то новое, чему ее учили. Но куда труднее оказалось повторять это вслух здесь, в этой бревенчатой избе, где родной сын и невестка смотрели на нее с отчуждающим недоумением.

Она уже встречала такие взгляды. Еще год назад, по пути в Царьград, когда русы, по неперемному обычаю, приносили жертвы священным Перуновым дубам на днепровском острове Хортица, она не стала в этом участвовать. С тех пор как мысль о крещении зародилась в ней, начало казаться, что Бог-Творец уже смотрит на нее откуда-то издалека, испытывает твердость ее намерения. Но тогда с ее дружиной еще был Святослав, провожавший мать через опасный участок: он сам принес жертвы за прохождение порогов и за дальнейший ее путь.

Когда она, уже этой весной, возвращалась назад, то вме-

---

⁷ Мф. 4:10, Лук. 4:8.

⁸ Исх. 20:3.

сте с отцом Ригором лишь помолилась святому Григорию, покровителю острова. Жертвы приносил Мистина с теми боярами и отроками, которые вернулись такими же язычниками, какими уезжали.

– А я тебя предупреждал – без жертв пути не будет, – обронил Святослав. – И что – не прав оказался? Не заставил тебя василевс три месяца дожидаться? А потом еще лису за хвост тянул, пока зима не накатила! Вы и застряли там на год, и что высидели? Толку с вашего похода – одно тряпье бабье!

Голос его стал жестким; последние слова он как выплюнул и сжал губы, точно боялся сказать чего похуже.

– Неправда! – возразила Эльга. – Не одно тряпье.

– Так что ж еще? Дали тебе чашу золотую с камнями, так и ее ты, я слышал, там же богу и подарила.

Эльга подавила вздох. Она поднесла подаренную чашу Святой Софии, преследуя сразу две цели: угодить Богу и досадить Константину. Этим она дала ему понять: лишь от Бога я получила истинные дары, что требуют ответных подношений.

Истинные сокровища она привезла домой в своих мыслях и душе. Но теперь, когда Святослав потребовал показать добычу заморского похода, она растерялась, не зная, как это сделать.

– Он ведь так ничего и не пообещал насчет печенегов и аланов, да? – продолжал Святослав, имея в виду, конечно,

не бога.

Значит, Мистина и послы вчера говорили с ним. Чему удивиться: исход переговоров об этом предмете занимал молодого князя куда больше, чем цветные паволоки и даже рычащие львы из золота.

– Константин сказал: прежде чем заключать новые договора против общих врагов, нехудо было бы выполнить старые!

В голосе Эльги невольно прозвучала досада. Все лето и осень она провела в спорах с царевыми людьми ради выгод сына, а теперь этот же сын ее упрекает, что не достигла всего, чего бы ему хотелось!

– Он спрашивал, когда мы уже собираемся начать выполнять Ингорев договор и защищать греческие владения в Таврии. Жаловался, что вместо этого русы лишь сами укрепляются близ устья Днепра и угрожают подданным василевса в Корсуньской стране⁹.

– Как же нам не укрепляться? Мы должны защищать свои торговые пути.

– Именно это мы им и говорили.

– Я знаю. И если греки не обещают нам помочь с хазарами, то пусть не надеются, что я буду помогать им с сарацинами. Вы так ничего и не добились?

– Мы говорили о войске. Ты мог бы дать хотя бы немного

---

⁹ Корсуньская страна – древнерусское название фемы Херсонес, крымских владения Византии.

людей для войны на Крите, а тогда греки успокоятся насчет Таврии. Им тревожно, когда у нас тут слишком много руси, которой нечем себя занять и нужна добыча.

– И в этом они правы! – Святослав хлопнул себя по коленям. – У меня люди, которых надо чем-то занять на лето! Ты же сама все стонешь, как дорого стоит содержать большую дружину! А такая дружина есть не только у меня: она есть у Тородда, у Кольфинна, у Торда, у Анунда, у Грозничара, у Вестима! У Ингвара ладожского и прочей отцовой родни на севере! И всем нужны слава и добыча!

– Так почему ты не хочешь оправить людей служить грекам? Василевс возьмет на себя их содержание, а мы вздохнем полегче. И они получают часть добычи.

– Содержание! – Святослав вскочил на ноги. – И что? Что он им заплатит? Ты думаешь, я не знаю, сколько получают люди в его войске для Крита? Где наших перебили разом шестьсот человек! Стоило головы класть! А добычи там не будет, потому что стратилаты все забирают себе: цесарское, значит, имущество!

– Но всегда добыча передавалась конунгу...

– А конунг брал себе десять долей, остальное раздавал людям! Можешь не учить меня дружинным обычаям, я их знаю! А вот греки не знают и знать не хотят! И к ним идут служить только всякие раззявы и неудачники, или беглые, с кем уж никто связываться не хочет. Мои парни не желают служить на таких условиях. И я не могу их заставить. Русы –

свободные люди, имеющие право на добычу, взятую своей кровью и отвагой. Дураку понятно, почему греки пытаются наших нанимать – чтобы не искали себе добычи сами, какая понравится. Особенно у них в Таврии. Они хотят, чтобы мы проливали свою кровь ради их выгод и получали за это по три медных фоллиса! Пусть поищут дураков еще где, а у нас таких нет!

Ярик на коленях у Эльги вдруг заплакал: видимо, его напугал голос отца, полный бурного негодования.

– Не реви! – уже потише, но сурово сказал Святослав и взял сынка на руки. – Слушай и учись! Как раз дедов договор закончится, пока ты подрастешь. Вот сравняется тебе семнадцать – оно и выйдет тому договору тридцать лет. Пойдем на греков, а? Пойдешь с батькой?

Он слегка подкинул дитя, будто побуждая поскорее расти. Эльга вздохнула: хотелось взяться руками за голову и начать раскачиваться в отчаянии.

Вот оно опять! Как ровно двадцать лет назад, когда дружина еще от Олега Предславича, тогдашнего князя руси, требовала вести ее за славой и добычей. Как десять лет назад, когда русь, договором лишенная возможности искать всего этого у греков, пошла на Смоленскую землю; благодаря тому походу Прияслава Свирьковна и попала в конце концов сюда, в эту избу, и в животе у нее теперь бьет ножками еще один будущий воин Олегова и Ингварова рода. А она, Эльга, все эти годы пытается найти другой путь, который не толкал

бы русь каждые несколько лет на поиски новой войны.

Приняв крещение и нарекшись дочерью василевса, она надеялась помочь делу мирного сожительства двух держав: старой и молодой. Но, похоже, она сеяла на камне. Как перенести мир из своей души в души тех людей, кто вырос на мечтах о славе и добыче? Как убедить их служить василевсу и за его жалование сражаться с сарацинами на далеком острове Крит, чтобы создать доверие и дружбу между русами и греками? Искать не золотых чаш, а знаний и полезных умений, чтобы самим создавать у себя все то, чем восхищались за морем?

Но где уж? Воин живет недолго и потому хочет всего и сразу. Сменилось несколько поколений, пока часть руси на берегах Днепра, сблизившись и частично слившись со славянами, стала ощущать себя не дружиной, зимующей на этом берегу, а народом, живущим на своей земле. Те края, что когда-то служили русам лишь источниками добычи и удобными путями ее сбыта, они стали считать своим домом. А дом надо строить и обустраивать. Посольство Эльги стало возможно, потому что многие из старой дружинной знати, такие, как Мистина, уже оказались способны разделить это стремление.

Но пока что большинство составляют другие – те, для кого по-прежнему домом служит лодья, а богом – меч. Жажда славы толкает их искать все новых земель, которые можно подчинить, ограбить, обложить данью – и идти дальше.

Каждый год Волхов и Днепр приносят новые сотни молодых неизвестных удальцов, желающих на службе удачливому вождю обрести славу и богатство. Старые боги послали этим людям Святослава: он сам считал своим домом лодью, своим богом – меч, а своим жизненным предназначением, честью и судьбой – поиск ратной славы. И даже в переговорах с греками Эльге и послам приходилось считаться прежде всего с этими людьми: за ними на Руси стояла сила.

* * *

По пути в Греческое царство – почти с тех пор, как огромный посольский обоз отошел от причалов Почайны – Эльгу не покидало чувство, будто Ингвар идет впереди и указывает ей путь. Сперва вниз по Днепру, куда Ингвар ездил довольно часто, а Эльга направлялась впервые в жизни. За пороги и степи, где ему приходилось встречаться с печенегами. В устье Днепра, тремя жерлами припавшего к воде Греческого моря, будто мучимый жаждой трехголовый змей; здесь земли руси граничили с северными владениями греков-херсонитов. К устью Дуная, где Ингвар четырнадцать лет назад повстречался с посольством от царей и согласился прекратить поход, взяв дары и выкуп. На южный берег Греческого моря – куда войско русов дошло во время первого похода шестнадцать лет назад. Ко входу в пролив под названием

Боспор Фракийский¹⁰...

И вот настал день, когда Эльга опередила своего покойного мужа – вступила туда, куда он так и не смог попасть.

Когда лодьи вошли в Босфор, до Царьграда оставалось меньше полного дня пути. Но Эльга уже знала, что так быстро дойти не получится: придется делать остановку возле заставы под названием Иерон.

– Здесь коммеркий! – пояснил Эльге Аудун, старший из купцов.

– Что? – не поняла она.

– Коммеркий платить. Это пошлина в царскую казну со всех товаров, что с нашей стороны везут.

Аудун уже много лет ходил в Царьград и участвовал в предыдущем посольстве – во времена Ингвара. С широким низколобым лицом, со светлыми волосами при рыжеватой бороде, как у многих варягов, румяный и дородный, он напоминал праздничный колоб из пшеничного теста. На последней стоянке у входа в Босфор, в городе Мидии, Эльга пригласила его на свой скутар, зная, что сегодня у нее будет особенно много вопросов. Благодаря опыту Аудун знал все здешние порядки и неплохо говорил по-гречески.

Застава стояла на восточном, более высоком берегу. Здесь в широкий пролив вдавался мыс, сужая проход. Аудун рас-

---

¹⁰ Боспор Фракийский – совр. Босфор, пролив, из южной части Черного моря выходящий в Мраморное море. В южной части Босфора находится Константинополь (совр. Стамбул).

сказал, что приближаться сюда разрешено только при свете дня, а кто не успел до заката, обязан отойти назад, в северную часть пролива. Не исполняющих это требование могут сжечь «греческим огнем». И если одновременно с моря приходят еще один-два каравана – болгар или еще кого, – то возле Иерона приходится стоять по три дня. Эльгу это известие совсем не обрадовало: не хотелось на три дня застрять вблизи самого Константинополя, почти у ворот!

В этот раз у царевых мужей глаза полезли на лоб при виде русского обоза: прибыло около ста лодий. Не считая обычных шести десятков купеческих, двенадцать скутаров с людьми и разными грузами принадлежали самой Эльге, по одной-две – послам двадцати двух русских князей и великих бояр. Лишь два скутара приблизились к причалу, а остальные встали на якоря вдоль гористого берега.

К Эльге, сидевшей на корме под полотняной сенью, подошел Мистина.

– Это было здесь, – он кивнул на пролив.

– Что?

– Нас с твоим мужем чуть не сожгли заживо. Здесь почти самое узкое место, греки нас и подстерегли. Тут сталкиваются два течения – верховое, из Греческого моря, и низовое – обратное... И самое мерзкое, что это дерьмо горит даже на воде...

Мистина замолчал, придерживаясь за борт и глядя на высокий скалистый берег. Потом взглянул на воду и застыл.

Эльга ни о чем не стала спрашивать. Она уже много раз слышала от разных людей, начиная с самого Ингвара, как ромейские корабли, оснащенные бронзовыми сифонами, вошли в середину строя русских лодий и плюнули в них «греческим огнем». Волна пламени летела над водой и падала на снасти и паруса; огонь, будто живой, мчался по поверхности волн и накидывался на просмоленные борта. Лодьи вспыхивали, будто в старинном погребальном обряде викингов, увозя на тот свет разом всю дружину; кто-то успевал прыгнуть за борт и сторал там, среди волн... И еще счастливыми себя могли счесть те, кто в тяжелой кольчуге и шлеме сразу шел на дно. Эльга зажмурилась: перед глазами мелькали охваченные огнем люди, слышались вопли, душил запах гари...

Где-то здесь стал жертвой двойной жуткой смерти – на воде от огня – и ее родной младший брат Эймунд. Ему было всего восемнадцать лет. Только той зимой он впервые приехал из Варягина под Плесковом, чтобы пойти в заморский поход со своим зятем – киевским князем.

Встав возле борта, Эльга сняла с руки серебряный витой браслет и бросила в воду. Погребальный дар ярко сверкнул под солнцем и канул в волнах, точно рыбка.

Вот и все. Последний проблеск памяти о былом. Пятнадцать лет назад здесь творилось нечто жуткое, Хель и Муспельсхейм разом. А теперь – кто бы догадался? Морские волны давно унесли изуродованные тела, ветер развеял гарь губительной смеси. И не скажешь, что у этих берегов киев-

ская русь потерпела одно из ужаснейших поражений.

Предания повествуют о героях, достигших успеха и вернувшихся со славой. От этого кажется, будто со славой возвращаются все, у кого хватило смелости покинуть дом. Но сколько смельчаков погибает совсем молодыми, не успев добиться ничего, а главное, стать чьими-то предками и потому попасть в предания. Если послушать, то таких вовсе нет. А ведь их тысячи и десятки тысяч на единицы тех, удачливых. Матери и сестры поплачут, но слезы их впитаются в землю и будут забыты. Эльга помнила своего младшего брата – он рос достойным наследником Вещего и мог бы добиться многого. Но не успел добиться ничего, и о нем нечего сказать.

Эльга подняла голову и глянула вперед, туда, где за двумя коленами извилистого Боспора Фракийского лежал Царьград. Желанный и ненавидимый, побежденный и победитель. Много раз русы проходили этим путем – и с разным успехом. Одни становились слугами его, другие пытались стать господами. Только она, Эльга, племянница Вещего и вдова Ингвара, первой ехала сюда не для войны, не для торговли и не для службы. А желая предложить союз и когда-нибудь устроить так, чтобы обмениваться с Греческим царством благами, не проливая крови.

Мужчин в ее роду и сейчас немало, но вот сын всего один. Нынешний русский князь не мог себе позволить неудачи. В память Олега Вещего, Эймунда, Ингвара, ради Святослава она, Эльга, была полна решимости найти иной путь к буду-

щим победам.

– Вот потому мы и здесь сегодня, – Мистина накрыл ладонью ее руку, лежащую на борте лодьи.

* * *

Княгиня приготовилась к долгому ожиданию, но Аудун вернулся с Иерона довольно скоро и привел с собой служителей заставы. Грекам выдали шесть лодий, где уже приготовили в уплату десятую часть всех товаров, а потом повели осматривать обоз: что все без обману. Нет, это не товар, это дары, которые княгиня везет для василевсов. И это тоже. Нет, в грамоте от князя Святослава указаны шестьдесят две лодьи, а эти двенадцать – личное имущество княгини. Что? Это у кого княгиня русская должна брать грамоту о своем личном имуществе? Хорошо, тогда пишите грамоту, что десятую часть василевсовых даров забрали на Иероне – наверное, Константин и Роман поймут. В самом деле, какая разница, если коммеркий поступает в царскую казну?

Наконец от них отвязались, и обоз получил разрешение двигаться дальше.

– Это мы сегодня еще быстро управились – ради уважения к княгине, должно быть, греки скоро унялись! – говорил повеселевший Аудун. – Теперь как к стенам подойдем, встанем в Боспории, отправим к логофету дрома гонца. Он пришлет подручных, те выяснят, что мы за люди, грамоты проверят,

тогда нам дадут разрешение к Маманту идти, а вам скажут, куда пристать.

– Вот только не говори мне, что эти, – Мистина через плечо показал на заставу, – еще не отправили своего гонца.

– Как водится! А всяк свой порядок соблюдай.

Под водительством греческого кормчего, через Босфор на юг шли почти весь остаток дня. Зеленые гористые берега его были густо заселены, везде мелькали селения, строения, монастыри. Впервые, еще в Болгарском царстве увидев монастырь, Эльга пришла в недоумение: это что? Вроде бы гора, но с очень ровными склонами, округлыми вершинами, а в них оконца. Как это могут быть дома? Для людей ростом с бортевую сосну? Везде буйно цвели розовыми метелками какие-то незнакомые кусты, карабкаясь по беловатым каменистым скатам.

Незадолго до прибытия Эльге показали пристань «Маманты» – подворья, где всегда останавливались купцы-русы. На берегу Босфора по правую руку, оно находилось севернее самого Константинополя, и путь к городу лежал мимо него.

– А разве нельзя сразу там пристать? – удивилась она.

– Нет, сначала нужно от царевых мужей разрешение получить, – объяснил Аудун. – А там уж и к Мамушке нашей!

Но когда показался сам Новый Рим, все впервые его видевшие даже притихли. Дух занимался от этого зрелища: прямо из синей воды вырастали высоченные кирпичные стены, за ними на склоне горы пышно зеленели сады. Виднелись

кровли строений, а выше всего, на вершине – круглый сияющий купол, похожий на солнце. Они сперва подумали, что там и живет василевс, но ошиблись: там жил Бог. Это оказался главный столичный храм – Святая София. Выше него, как отсюда, с пролива, казалось, оставалось только небо, но все пространство между водой и солнечной кровлей Софии было густо занято камнем и зеленью. Бросались в глаза какие-то отдельно стоящие деревья без ветвей и с обрубленной вершиной. Аудун сказал, это каменные столпы, поставленные ради славы, но Эльга все равно не поняла, что за столпы. Если их видно из такой дали, какие же они на самом деле? Таких столпов не бывает, не может быть!

И русам хватило времени, чтобы всем этим полюбоваться. Еще у границы Болгарского царства, в первом греческом городе Месемврии, посольство княгини встретили царевы мужи-василики: поднесли подарки, передали приветствия и сопроводили в дальнейшем пути. Поэтому Эльга знала: василевс осведомлен о ее прибытии и ждет гостью. Теперь василики сошли на причал гавани Боспорий, ближайшей к оконечности мыса, и отправились к логофету дрома за разрешением для гостей на высадку. А что разрешение требовалось, красноречиво подтверждал вид стражи в пластинчатых доспехах и шлемах, выстроившейся на причале напротив русских лодий. Высадиться же где-то помимо причала было невозможно: каменные стены уходили вокруг мыса во все стороны, сколько хватало глаз. Здесь вовсе не имелось

земли для тех, кто приехал без позволения хозяев.

Сердце обрывалось при виде этих стен – выложенных из камня, высотой до неба, с зубчатым краем, с мощными башнями. Башни напоминали горы, обтесанные исполинским топором до квадратного бруса с ровными стенками. Ворота в стенах, особенно издалека, казались мышинными норками. Смотреть было страшно: чем ближе к стенам подходили лоды, чем выше те становились, пока не нависли над головами. Теперь и не разглядеть: что там, за ними? Лишь виднелись позади какие-то еще более высокие стены, выложенные из полос красного кирпича и белого раствора попеременно. Причем с дверями не только снизу, а на всю высоту – проемами в полный человеческий рост, под полукруглыми пестрыми сводами, выложенными из чередующихся красных и белых плит. Аудун сказал, что это окна, но Эльга взглянула на него недоверчиво. Окна по всей стене и в человеческий рост? От потрясения тянуло закрыть рот рукой – взор, привыкший к просторам полей и моря, не растягивался настолько, чтобы охватить столь великое творение человеческих рук.

Человеческих ли? Тогда ей впервые пришло в голову сомнение: да люди ли сделали это все? Или им подарил это Бог – тот самый, которого христиане называют творцом неба, земли и всего сущего на ней? Русские лоды, зажатые между морем и этим недружелюбным каменным царством, казались маленькими и хрупкими. От такого множества камня

становилось не по себе.

– Что это за обычай – гостей стражей встречать? – возмущалась Эльга, стараясь скрыть свое смятение. – Уж сколько к ним гонцов послали! Спят там эти цесари, что ли?

– Давайте покричим! – усмехнулся Мистина.

– Или споем, – предложил Стейнкиль. – Я такие песни знаю – мертвого подымут!

– Боятся нас! – смеялись послы. – После Вещего до сих пор, видать, от слова «русы» коленки у них дрожат!

– Да каждый год сюда ходим, оно всегда так! – успокаивали купцы. – С грамотой, с печатью, все как уговорено. Но пока не придет ихний царев муж и грамоты не проверит – никому на берег ходу нет. Бывает, по три-четыре дня на лодьях живем. Потом пересчитают нас, по именам с грамотой сличат, товар осмотрят – тогда дадут путь на подворье.

– Как – на лодьях живете по три дня?

– Как обыкновенно, – развел руками дородный Аудун. – Одни сторожат, другие спят на мешках.

– А поесть?

– Греки на лодочках подходят, продают кое-чего. Да припас еще имеется.

Хлеб, сыр и вяленое мясо из дорожных припасов, возобновляемых по пути, еще не кончились, но требовалась пресная вода. Женщины жаловались: все проголодались, а также ощущали иные потребности, справить кои на лодье или на каменном причале, на глазах у всего света белого, было ни-

как невозможно. Мужчинам в этом отношении куда проще.

Аудун же подал мысль отойти на другой берег Босфора и отыскать приют для княгини в городке Халкедоне, но Эльга не соглашалась. Ей, наследнице Вещего, убираться прочь или ночевать под воротами, будто побирושка, которую богатые хозяева не пускают в дом! Но она понимала, что Аудун прав: если их не пустят в город до ночи, то лучше найти пристанище сейчас, пока не стемнело. Не спать же в самом деле на лодье! Ей не раз случалось ночевать в шатре, но здесь, между морем и каменными стенами, за которыми расстилался огромный и совершенно непонятный ей мир, она чувствовала себя уж очень тревожно и неудобно. Выслав стражу на причал, этот мир больше никак не давал понять, что вообще заметил ее появление. Ее, княгиню русскую! Да что эти греки о себе возомнили! Будто к ним каждый день такие являются!

Около сотни русских лодий протянулись чуть ли не через всю гавань, но и без них там хватало кораблей всякого размера и вида. Смуглые люди таращились на русов с лодок и с берега, показывали пальцами, перекрикивались на непонятных языках. Дивились на киевскую княгиню, которую василевс не пускает не то что в дом – даже в свою страну. Тихо кипя от негодования, Эльга оглядывала длиннющие стены, выискивая взглядом те ворота, на которых Вещий повесил свой щит. Видно, забыли греки тот урок, если смеют так обращаться с племянницей Олега!

И теперь она в душе еще сильнее восхитилась отвагой и удачливостью своего прославленного родича. Ведь он с дружиной пришел на таких же лодьях, не больше. И она, Эльга, ума не приложила бы, что можно со skutаров поделать против этих стен. Поневоле на колеса их поставишь, лишь бы сделать что-нибудь! Она даже спросила Аудуна, где те ворота, и он показал налево: они с другой, южной стороны мыса, отсюда не видно.

– Греки что, думают, будто я приехала с ними воевать? – возмущалась она. – Приняли нас за нашествие? Испугались женщины?

Скучающие отроки на Улебовой лодье и правда запели. Эльга с трудом сдерживала плач и смех, которые рвались из нее одновременно: так дико было слушать здесь знакомое: «Мы катали медведя...».

Но наконец на причале показался отряд, возглавляемый крепким седобородым всадником в пластинчатом доспехе, из-под которого виднелся дорогой кафтан.

– Вестиариты, – сказал Аудун и с облегчением перекрестился. – Слава Господу! Это к тебе, матушка, нас такие важные люди не встречают.

– Вестер... что?

– Хирдманы цареvy, что и его самого, и сокровища наилучшие стерегут. И еще послов иноземных встречают и провожают куда надо. Вон с ними и царев муж какой ни то... и от эпарха, должно быть, – Аудун взгляделся и показал на

двух всадников без доспехов, в цветных кафтанах и плащах, заколотых на плече.

Строй причальной стражи расступился, и седобородый знаком показал, что лодья может подойти.

Перекинули сходни. Эльга осталась сидеть под полотняной сенью на корме, сердито сложив руки на груди, а Мистина и Аудун пошли на пристань объясняться. Там их встретили человек от логофета дрома – асикрит Тимофей – и человек от эпарха, то есть воеводы-градоуправителя. При них имелся толмач.

– Я вижу перед собой посольство архонта и архонтиссы россов – Эльги Росены?

– Да, а также саму Эльгу Росену ты видишь, если у тебя настоящие глаза, а не поддельные! – едва сдерживая гнев, ответил Мистина. – Она присылала предупредить о своем приезде. И если василевсу он нежелателен, у него был целый год, чтобы уведомить нас об этом! Мы могли бы узнать еще в устье Днепра и не трудиться ехать за море!

– Мы рады приветствовать госпожу архонтиссу в Новом Риме, но она привела с собой слишком много людей, – Тимофей развел руками. – Клянусь головой святого Иоанна – если бы не наши посланцы, сопровождавшие вас, мы бы приняли это за очередное нашествие.

– А где эти ваши посланцы пропадали целых полдня? Заблудились? Запили на радостях?

– Требовалось подготовиться к приему и убедиться, что

ваши намерения дружелюбны, – продолжал другой грек. – Либо принять меры на случай, если это окажется не так.

– Они и правда решили, что я собралась их завоевать! – сказала Эльга сидевшей рядом Уте.

Несмотря на все негодование и усталость, ей захотелось рассмеяться. Нашествие народа рос! Ей представилось, как она, по примеру дяди Хельги или мужа, ведет войско к этим стенам, надев кольчугу на платье и шлем поверх убруса, размахивает мечом и требует дани...

– Йя сказаль, что им даст позор бояться кона... жена... – произнес седобородый в пластинчатом доспехе, с дружелюбным любопытством глядя на женщин на корме и пытаясь, видимо, понять, которая из них княгиня.

Услышав эти слова, Эльга сперва удивилась, почему он так странно говорит, а потом сообразила: на языке славян пытается изъясняться человек, не слишком с ним знакомый. Но тут седобородый, видимо, разочаровался в своих познаниях и добавил уже на северном языке:

– И если это нашествие, то я берусь отразить его. Не станем беспокоить почтенного протовестиария Евтихия, ему хватает хлопот с василевсовым платьем.

По рядам его людей пробежал сдержанный смешок, но Эльга не поняла, над чем смеются. Однако сочла за благо выбросить это из головы, потому что Тимофей снова заговорил, и наконец-то появилась некая определенность.

– Архонтиссе Эльге Росене определено пребывание в про-

астии Маманта, в палатионе. Вы можете отправиться туда вместе с вашими купцами, а мы будем вас сопровождать.

Из речи толмача Эльга поняла лишь половину слов, но Аудун кивнул с довольным видом: все русы будут стоять в одном месте, хотя греки могли развести их по разным концам Суда. Получив требуемое разрешение, вытянули якоря. Человек от епарха остался на пристани, прочие царевы люди погрузились в свои лоды и двинулись впереди приезжих назад вдоль Босфора, к предместью Святого Маманта.

– Точно как наши раньше, – усмехнулась Эльга, глядя, как удаляются оставшиеся за кормой высоченные каменные стены. – Поглазели да назад пошли.

– Мы еще вернемся, – утешил Мистина.

И все же ей с трудом верилось, что она наяву находится именно там, где ранее бывал ее покойный брат Хельги Красный, ее дядя Олег Вещий и невесть кто из русских вождей до них. По этим самым стенам, причалам, по этой воде и горам вдаль скользил когда-то острый взгляд Вещего. Она не могла разобраться в своих впечатлениях: все это показалось и слишком удивительным, и слишком простым. Не оставляло нелепое желание оглядеться и поискать тех, кого она привыкла мысленно видеть в этих местах – Вещего, незнакомого ей Аскольда, даже стариков Лидульва со Стемиром...

Довольно скоро лоды подошли к причалу облицованной камнем гавани. Царевы люди высадились первыми и передали просьбу еще немного подождать. Женщины уже изнемо-

гали; к счастью, здесь никто не мешал выйти на берег и наведаться в ближайшие заросли. Горяна увидела змею; поднялся визг, послали отроков с копьями, чтобы пошуровали в кустах и разогнали, кто там есть... Зато неподалеку нашли колодец и наконец раздобыли для всех свежей воды.

Темнело, но прохладнее не становилось: душная жара ложилась на плечи одеялом. Воздух был напоен незнакомыми запахами, густыми и сладкими. От усталости и голода у Эльги кружилась голова, и эти запахи навевали дурноту. К этому времени она уже с удовольствием прилегла бы на днище лодьи, если бы для нее бросили туда пару мешков с привезенными в дар куницами. Отчаянно хотелось снять убрус, освободить голову и дать потным волосам подышать. Взмокшая сорочка под платьем липла к телу, из-под груди вниз бежали капли пота. В пути они к этому времени уже пристали бы где-нибудь, поставили шатры, разоблачились, вымылись и сели ужинать. Пока же окончание долгой дороги вместо отдыха несло больше неудобств, чем она сама.

Когда наконец Мистина вывел Эльгу на причал, она едва держалась на ногах. Здесь к кучке стонущих женщин подошел тот седобородый в доспехе.

– Вот эта прекрасная госпожа и есть Эльга Росена? – спросил он у Мистины, однако глянул и на Уту за ее спиной, которую вел сын Улеб. – Или...

– Я – княгиня Эльга, – ответила та. – Неплохо бы услышать твое имя.

– Меня зовут Савва Торгер, я – этериарх средней этерии, иначе говоря, хёвдинг домашней дружины василевса, – пояснил он на северном языке с заметной примесью греческих слов. Эльга не удивилась, что здесь нашелся человек, знающий северный язык, но еще не вполне понимала, кто он такой. – Мои люди несут обязанность охранять покой Мега Палатиона, а также сопровождать иноземных гостей. Сейчас доставят носилки, и твоя светлость сможет проследовать в проастий Маманта.

– Прорастий? – В мыслях Эльги мелькнули какие-то заросли. – Что это? Сад?

– И сад там тоже есть, с «пуническими яблоками» и виноградником, – улыбнулся седобородый. – Русы всегда пристают в нашем стратонесе в предместье Маманта, а ты, как архонтисса, будешь жить в тамошнем палатионе.

– Страхо-нос? Это что?

– Вообще-то – стратонес. Иначе говоря, воинские дома.

Тут появился асикрит Тимофей, и подали носилки. Оказалось, что именно в них, а не пешком или верхом, княгине надлежит быть доставленной в палатион. Носилки представляли собой теремец, украшенный вызолоченной резьбой, внутри которого можно было только сидеть. Он стоял на длинных крепких жердях. Повинуясь приглашающему движению Саввы, Эльга села в кресло внутри теремца; за ней закрыли дверцу, а потом... Она еще не поняла, чего ей ожидать, как пришедшие с носилками василевсовы рабы взялись

за жерди, подняли и положили себе на плечи! Сидя в теремце, Эльга вознеслась над землей на высоту человеческого роста и едва сдержала крик. Обеими руками она вцепилась в кресло, выпучив глаза и стиснув зубы. А теремец уже двинулся вперед, легонько покачиваясь, будто лодочка на волнах. По первому побуждению Эльга чуть не закричала: остановитесь, я хочу выйти! Но сдержалась: ей никто и не обещал, что в Греческом царстве все будет просто. Захватило дух, и она судорожно сглатывала. Только не хватает, чтобы ее сейчас вывернуло!

А рабы шагали по мощенной кирпичом дороге, никто ее не ронял, ничего страшного не происходило. Через какое-то время Эльга почти опомнилась и нашла, что перемещаться в теремце на жердях – не ужаснее, чем ездить верхом, и удобнее, к тому же не требует от нее никаких усилий. Она даже отважилась выглянуть в окошко.

Ее несли по дороге между полей и рощ. Впереди, кажется, ехал верхом Тимофей, позади теремца – послы и женщины, сидящие за спинами отроков. Потом шли купцы, остальные отроки княгини и всякая русская челядь, а замыкали шествие «пластинчатые» гриди василевса. Их предводитель ехал на белом жеребце рядом с носилками Эльги. А по сторонам дороги толпились местные жители: смуглые, чумазые, в простых грязно-белых и серых рубахах по колени, в узких штанах. Черноволосые головы и плечи прикрывали такие же простые шерстяные накидки. На Эльгу греки смотрели с ве-

селем изумлением, но без робости: махали руками, кричали: «Рос, рос! Калосорисма!¹¹». Здесь уже знали: прибытие русских купцов на подворье означает денежный приток за съестной припас и прочие мелочи жизни.

* * *

Прора... то есть про-ас-тий Святого Маманта оказался большим селом среди полевых наделов и посадок неведомых купцов. Здесь был каменный храм – Святого Маманта, подворье для купцов – здание из серого камня, снаружи казавшееся огромным и очень угрюмым, – и па-ла-ти-он, то есть василевсов дом, тоже каменный и очень, очень большой.

В предместье русская дружина разделилась: купцы отправились на подворье, княгиню с приближенными и послами повели в палатион. Пока виднелась лишь высокая каменная ограда, а за ней – кроны деревьев, плохо различимых в густеющей тьме.

Савва Торгер со своими воинами остался снаружи, попрощавшись с Эльгой почтительным взмахом руки. А гостей провели за высокие ворота, и перед ними открылся широкий мощный каменными плитами двор – размером с хороший славянский городец, только без разбросанных по кругу вдоль стены избушек и клетей. Впереди виднелся палатион из двух

---

¹¹ Добро пожаловать (греч.)

каменных крыльев, поставленных углом, а по сторонам темнела густая зелень сада. Посреди двора была устроена огромная чаша из камня, а в ней сидел какой-то чудный зверь, тоже каменный. Из его раскрытой пасти текла вода, скапливаясь в чаше, но почему-то не переливаясь через край.

– Это что? – изумилась Эльга.

– Крина¹², – пояснил толмач-грек. – Отсюда можно брать воду для питья.

– А это... хранитель колодца, да? – Эльга показала на каменного зверя. – Его нужно... угощать?

Все привыкли, что если над источником стоит чур-хранитель, то, забирая воду, нужно чем-то отблагодарить. Но у греков, как она знала, никаких чуров не угощают...

– Не нужно, – толмач улыбнулся и поклонился, чтобы его усмешка над дикостью варваров не выглядела обидной. – Просто пусть твои служанки зачерпывают воду, и все.

– Вот еще! – пробурчала изумленная Прибыслава. – Зверюгу тошнит той водой, а мы черпай...

– Еще бы из-под хвоста у него текло, а нам пить предлагали! – поддержала Володея.

Но Эльга уже рассматривала палатион: столь высокий, что пришлось задрать голову, чтобы увидеть, где же он кончается. В белокаменной стене виднелось множество отверстий: каждое было размером с дверь, но зачем столько дверей, к тому же так высоко от земли? Каждую окружали косяки рез-

---

¹² Фонтан (греч.).

ного камня, а за ними теплился свет – удивительно, непонятно, но очень красиво. В верхнем ряду дверей стояли какие-то люди в белом, по одному на каждую: они подняли руки, приветствуя гостей, и так замерли.

– Помнишь! – Ута схватила ее за руку. – Твой отец нам рассказывал про пастуха, который шел ночью и увидел гору, а в ней горели огни и тролли играли свадьбу...

У Эльги и самой мелькали в памяти подобные же образы слышанных в детстве сказаний. В жизни она ничего подобного не видела: только с горой, внутри которой нечеловеческие существа справляют свои праздники, она и могла это сравнить. И ей предлагали туда войти! Окружающая тьма усиливала впечатление небывалости; Эльга шла по сказанию и с каждым шагом погружалась в него все глубже.

– Ступай, княгиня! – Мистина незаметно взял вторую ее руку, пожал и выпустил. – Похоже, они и правда живут в таких горах.

– Чей это дом? – обратилась Эльга к асикриту Тимофею.

– Василевса, разумеется. Четыреста лет назад, при Юстине Втором, здесь был поставлен храм и создан монастырь в честь святого мученика Маманта Кесарийского. Христоробивый василевс Лев Первый выстроил здесь для себя палатион, гавань и ипподром. Но то, что твоя светлость сейчас видит, создано недавно – менее ста лет назад, после пожара, василевсом Михаилом Третьим. Он любил палатион Маманта больше других и почти постоянно жил здесь, отчего тот

особенно роскошно украшен. Твоя светлость сейчас убедится в этом. Константин август распорядился поместить тебя сюда. Клянусь головой святого Иоанна – на моей памяти никакое еще посольство не размещалось в таких роскошных условиях! Это огромная честь и знак высокой благосклонности василевса.

– Я сейчас его увижу? – Эльга поняла только то, что ее ведут в царский дом.

– Кого?

– Константина.

– Нет, разумеется! – Грек удивился. – О дне приема тебя уведомят отдельно, и он пока не назначен, насколько я могу знать.

– Но как же – я буду в его доме жить, а хозяина не увижу?

– Константин август, как и Роман август с их благословенными Богом супругами и детьми живут не здесь, – грек улыбнулся ее наивности, – а в Мега Палатионе. Вы могли видеть его или хотя бы часть, пока шли к гавани Боспорий. Палатион Маманта – лишь один из полутора десятков, коими владеет василевс в предместьях Города. Не припомню, чтобы кому-либо из посещающих Новый Рим определяли пребывание именно здесь, но поскольку к нам впервые приехала женщина – архонтисса и игемон, то Константин август распорядился именно так.

– То есть Константина здесь нет?

– Нет. Палатион Маманта выделен в ваше распоряжение.

Но там есть челядь и управляющий хозяйством. Укажи, кому из твоих людей я должен его представить.

За этой беседой они прошли через двор. Прямо перед ними стена палатона состояла как бы из одних открытых дверей, разделенных каменными столпами и каменными же резными сводами. Без провожатых трудно было бы понять, куда же войти. В сумерках, при свете факелов, которые вынесли навстречу греки-челядины, Эльга не смогла рассмотреть резьбу, лишь отметила, что та очень тонка и причудлива. Бросалось в глаза высеченное в камне изображение креста на верхней части столпов. А те люди в белом, что выстроились в самой верхней чередке дверей, все так же молчали и не шевелились. Это кто – стража на крыше?

– Так и зажужжать недолго! – заявила Володея, с тем же изумлением оглядывая дом.

Эльга поняла ее: строение и впрямь напоминало исполинские пчелиные соты.

Пройдя за обитые узорной медью двери, они оказались в огромном... огромной... Это помещение напомнило Эльге старую гридницу Олега в Киеве: примерно такого же размера, и тоже с двумя рядами опорных столбов. Только в Киеве они были деревянными, а здесь – каменными. Под кровлей столбы как бы сливались в красивые полукруглые своды. Вместо привычной копоти наверху пестрела какая-то роспись, уже смутно видная в темноте.

– Это триклиний, где вы будете вкушать пищу и прини-

мать ваших гостей и наших чиновников. Покои для отдыха и помещения для женщин – на втором ярусе, – пояснил Тимофей и знаком пригласил застывшую княгиню следовать за ним.

Их подвели к лестнице – шириной с лодью – все стали подниматься. Женщины повизгивали и охали.

– Как я пойду? – доносился испуганный голос Прибыславы.

– Берешь ноги и идешь! – раздраженно поясняла Володея.

До сих пор они знали только вырубленные в земле и покрытые досками ступени – две-три, не больше, – по которым спускались в «земляные избы» и понимались во двор. Но здесь они никуда не спускались, а сразу стали подниматься. Все выше и выше. Эльга с беспокойством ощутила, что они уже взошли на верхний уровень гридницы – весьма высокой! Это что же – придется идти по крыше? Что за причуды у этих греков? Куда ее занесло?

Но когда лестница кончилась, перед ними открылась не крыша, а опять вроде как длинный покой. Видимо, выстроенный на крыше гридницы. Эльге страшно было сделать шаг – не провалиться бы! Но грек уверенно шел вперед, приглашая ее за собой. Махнув рукой женщинам, чтобы не визжали, она пошла за греком.

По крыше тянулись клетки – одна за другой. Скоро Эльга сбилась со счета и перестала сознавать, где находится. Смутно помнила, что над гридницей – но над головой опять ока-

залась крыша.

– Вот здесь твой китон, – сказал грек, когда они достигли последнего помещения.

– Что?

– Опочивальня, – перевел Торстейн Дрозд.

– Когда твоя светлость и твои люди немного отдохнут, – продолжал грек, – в триклинии будет подан ужин.

– Где?

– Гридница, что мы проходили.

– Или сначала твоя светлость желает баню? Управителю отданы распоряжения, уже все готово.

Эльга поколебалась: сходить в баню было бы очень не лишним, но она так устала! Сегодня она уже ничего не хотела видеть – только прилечь где-нибудь и закрыть глаза.

Кое-как разместились по клетям-китонам: уже во мраке, при свечах, разбросали свои короба по лежанкам. В китоне Эльги лежанок было три, и вместе с ней поселились Прибыслава и Володея, их челядинки кинули свои постельники на пол. Самая большая лежанка легко вместила бы и четверых, и Эльга попросила Уту на первую ночь лечь вместе с ней: хотелось чувствовать рядом кого-то хорошо знакомого и привычного.

Однако спала Эльга плохо: все время просыпалась, едва закрыв глаза, и в дреме постоянно ощущала недоумение и беспокойство. Висели жара и духота: лежа в одной сорочке, она все ждала ночной прохлады и не могла дождаться.

Когда она проснулась окончательно, уже совсем рассвело. Прямо перед ее глазами оказалось нечто... такое странное, что она усомнилась, где находится: в доме или в лесу? Изображение под сводом кровли занимало всю ширину стены, нависая над головой. Вчера во тьме она его и не заметила, а сегодня, при ярком утреннем свете, оно бросалось в глаза. На коричневатом поле росли огромные деревья с большими зелеными листьями; под деревьями стояли олени, обратившись носами к стволу, а к ним подкрадывался охотник в красной рубахе, с напряженным луком в руках. Свод обрамлял хитрый узор, красно-синий с золотом, похожий на вышивки самых лучших платьев из греческой добычи. А ниже блестела гладкая каменная стена, желтоватая в разводах. В углах красовались небольшие каменные столпы, то серовато-розовые, то темно-красные, с чем-то вроде узорного куста на верхнем конце.

Это все было настолько непохоже на бревенчатые стены, которые Эльга привыкла видеть во всех решительно жилищах, где ей за всю жизнь случалось просыпаться, что она просто лежала и разглядывала это, не шевелясь.

– Эльга! – раздался рядом шепот Уты. Оказывается, и сестра уже проснулась. – Эльга, ты видишь?

Княгиня повернула к ней голову и взглянула в вытаращенные глаза сестры.

– Мы в Царьграде! – торжественно доложила та.

Первые дни в палатионе Маманты русы провели как во сне. Во-первых, оказалось, что отсюда также невозможно выйти по своему желанию, как из любого зачарованного царства преданий. Об этом Эльге еще первым утром сообщил Мистина: он проснулся на заре и пошел обследовать их новое жилье при свете дня. Вернувшись на второй ярус, застал там предбанник: женщины только поднялись, взялись за гребни и позабыли чесать волосы, заглядевшись на стены либо оконные косяки. Так и сидели в сорочках, с распущенными косами, с гребнем в руке, с открытым ртом и вытаращенными глазами.

– Эту усадьбу сторожат хирдманы василевса, – сказал Эльге старший посол. – Так и стоят у ворот, будто с вечера не уходили. Их сотский говорит, так положено: мы можем выйти, только если за нами придут царевы мужи.

– А что у нас с припасами?

– Здесь много чего есть, вода в колодце на заднем дворе, и челядь обещает, что припасы будут каждый день подвозить. Василевс же обязан кормить всех своих гостей. А если появится какая нужда, то сказать сотскому, а он передаст тому греку вчерашнему...

Эльга хотела ответить, но вздрогнула и обернулась: откуда-то из глубин дома донесся женский визг.

Мистина кинулся туда: в этом чудном месте все были настороже. Навстречу ему бежали Живляна и Святана, тоже в одних сорочках и волосниках – глаза выпучены, рты разинуты.

– Они камен... ные! – вопила Святана, кинувшись отцу на грудь и ухватившись за него обеими руками. – Ка... каменные! Не живые!

– Кто? – Мистина глянул поверх ее головы, не понимая, в чем опасность.

– Му... мужики те... – Живляна показала куда-то назад.

Оказалось, что, проснувшись пораньше, они вдвоем стали лазить по дому и случайно вышли «на крышу». И очутились на открытом ходу вдоль внешней стены здания: огромные окна, от пола до потолка, смотрели во двор, а в каждом окне стояли те люди в белых одеждах, которых они приметили еще вчера, в сумерках. Они и сейчас там стояли, все так же глядя вниз и поднимая руки в приветствии пустому двору, не переменив положения за ночь. И вот, выйдя на галерею, две молодые боярыни обнаружили, что эти люди – каменные!

Все посольство сбежалось смотреть, теснясь в дверях галереи.

– Это идолы мараморяные, тут много таких! – успокаивали Одульв и другие, кто уже бывал у греков. – Их люди сделали.

Убедившись, что опасности нет, женщины осмелились выйти на галерею и расползлись по ней, с уважительного рас-

стояния осматривая белокаменные статуи. Мужчины с коротко остриженными волосами, в просторных складчатых одеждах, с какими-то свитками в руках... Женщины с непокрытыми головами, с затейливыми прическами... а то и вообще так мало одетые, что отроки застывали с разинутыми ртами, краснели и начинали дышать сбивчиво.

– Да разве бывают такие... идолы? – Даже благоразумная Ута не могла поверить, что это творение человеческих рук. – Они же совсем как живые. Только белые...

Она притронулась к краю каменного одеяния и отдернула руку. Но успела ощутить, что камень вовсе не так уж холоден: утреннее солнце нагрело его, и оттого казалось, что, если коснуться этих белых рук – они окажутся теплыми, как у живых. Вот жуть!

Разве они не знали, каковы идолы каменные? Всем многократно приходилось видеть их в святилищах: едва отесанный камень с грубым, только намеченным очерком лица. Иногда на передней стороне было высечено изображение рук, держащих рог, меч, кольцо; иногда на нижней половине, как бы у колен божества, виднелась фигурка коня. Но это... Белые каменные люди походили на настоящих во всем – в чертах лица, в завитках волос, в складках одежды. Скорее думалось, что они и родились живыми, но боги за какие-то провинности обратили их в камень. От славянских идолов греческие отличались так же, как настоящий живой человек отличается от мешочка с ножками-палочками, что дитя начертило щеп-

кой на земле.

– Я боюсь! – заявила Живляна и сморщилась, будто боролась со слезами. – А вдруг и нас...

Женщины невольно озирались, будто искали ту неведомую силу, что обратила в камень этих несчастных. Вдруг она и сейчас еще таится здесь и угрожает новым гостям палатиона?

А вдруг все живые, что заходят сюда, обращаются в камень и остаются навсегда? И им, русам, суждено не выйти отсюда, навек остаться на этой «крыше», служа украшением дома и приманкой для новых простаков?

От этой мысли холодело внутри, хотелось бежать подальше, пока ноги носят. Но у ворот ждала василевсова стража...

– Да ладно: первую ночь пережили, значит, и дальше переживем! – утешил Улеб. – Иначе мы б и не проснулись!

– Да я и так не спала! – пожаловалась Святана.

– Сила Господня не допустит над нами зла! – невозмутимо заметила Горяна, которая из всех девушек держалась наиболее храбро.

– А я все равно три ночи спать не буду! Если три первые ночи переживем, дальше уже не страшно.

Однако никаких зловещих перемен в себе русы не замечали, руки и ноги повиновались, а любопытство тянуло дальше, и они разбрелись по дворцу, разглядывая новые чудеса. А тем не имелось числа. Стены, которые они сначала приняли за обтянутые шелком, тоже оказались каменными! Пла-

стины камня – белого, серого, розового, зеленого, желтовато-рыжего – были подобраны с таким искусством, что складывались на стенах в узор, подобный вытканному. Гладкий, как стекло, камень назывался «мармарос».

Выше каменных плит стены и своды сияли многокрасочной яркой росписью: узоры из цветов, разные звери, удивительные синие птицы с длинными шеями и золотыми хвостами – вдвое длиннее самой птицы. Узор из кусочков цветного камня покрывал полы по всему палатиону – и внизу, и наверху, и даже во дворе! Из белого мармароса были вырезаны скамьи и столы с узорной столешницей, а на скамьях, чтобы не жестко сидеть, лежали подушки, обшитые яркими паволоками.

– Ну и добрый же человек этот Костинтин – отдал нам такой дом богатый, – дивилась Ута. – Где же сам теснится?

– Тот царев муж говорил, будто у василевса этих палатиев полтора десятка.

– Да ну, прихвастнул грек.

– Даже если у василевса есть другие усадьбы, не могут и они быть такими роскошными! Где набрать этих идолов, занавесей шелковых, скамей резных?

– Лучше бы он идолов-то себе оставил! – пробурчала Володея, и Эльга с ней согласилась.

Идолы стояли не только на галерее, но и в других частях дома, и русы поначалу шарахались от них. Зато отроки, свободные от службы, скоро приобрели привычку валяться в

теньке на дворе и на окраинах сада, не сводя глаз с голых каменных девок и обмениваясь замечаниями, которых женщины не желали слышать.

Но те идолы, что представляли людей целиком, еще куда ни шло. Куда хуже – отрубленные каменные головы с открытыми глазами. У некоторых давно отбили носы, у других какие-то изверги на лбу высекли крест – это придавало им совершенно омерзительный вид. Мутило при взгляде на этих навей, и Эльга на другой же день после приезда велела набросить на них по куску полотна, чтобы не раздражали глаз.

А баня! Русам пришлось учиться ею пользоваться: тут не нашлось привычной им печи-каменки, ее заменяла другая печь, которая в большом бронзовом котле подогревала воду и подавала ее по трубам, уже горячую. Холодная вода шла отдельно, а еще было нечто вроде огромного корыта, выложенного желтоватым мрамаросом, и размеры его позволяли не только окунаться, но и плавать, как в озере!

А... В отхожем месте имелись сидения с дырой, из которой поток воды уносил нечистоты по каменному желобу прочь – как сказали, аж в море. И все: ни вони, ни мух.

А еще здесь было очень светло. Поначалу все не верилось, что ты в доме: так светло не бывает в избах, где волоковое оконце на ширину двух ладоней. Если в яркий летний день дверь открыть нараспашку – и то столько света не будет. А здесь огромные «двери», которые оказались все же окнами, пропускали так много солнечного света, что он доставал в

каждый уголок.

А сад, полный плодовых деревьев! Где-то на ветках уже желтели незнакомые крупные ягоды, где-то еще висели зеленые, а на третьих плоды и цветы красовались на одной и той же ветке. Сики, роди, лемони, эхляби, ровакино, верикоко¹³ – вот как это называлось, по словам Мардония, грека-управителя, но эти чудные названия не держались в голове и ничего русам не говорили. А еще была «стафиля» – тот самый виноград, из которого делают вино. Стафиля росла на особых делянках с подпорками и пока оставалась совсем зеленой. Зато на кустах сада сладко благоухали белые и розовые цветы, и княгини полюбили сидеть и лежать на зеленой траве в тени, вдыхая запах роз, жасмина и олеандра.

Ута первой освоилась в большой поварне нижнего яруса, в пристройке: принимала поутру подвезенный царевыми слугами припас, надзирала за тем, как местная челядь готовит, и вскоре переняла и умения, и названия. Она первая из русов начала без толмача объясняться с челядью, запомнив, как по-гречески будет «хлеб», «сыр», «рыба» и мясо». Даже научилась со временем сама разделявать хтаподия – морского гада, похожего на огромного паука, с клювом и множеством ног – и обжаривать на оливковом масле с луком и красным вином.

До полудня греки не ели, но Эльга распорядилась варить кашу из пшеницы и ячменя и печь блины. Для этого им до-

---

¹³ Инжир, гранат, лимон, груша, персик, абрикос (греч.).

ставляли свежее молоко от овец и коз – коров здесь не водилось, – пока не успело скиснуть на здешней жаре. Из овечьего и козьего молока делали мягкие сыры. Привозили мясо, много рыбы: ее варили, жарили, тушили с разными травами, иные из которых русы видели впервые. Хлеб привозили уже выпеченный, свежий, пироги с разными начинками и с добавленным в тесто пахучей травкой-укропом: было непривычно, потом, со временем, многим понравилось. В изобилии возили всякого овоща, свежего и сушеного. Оливки в уксусе, черные и зеленые, – сперва женщины пробовали и плевались: кислятина, – но иные пристрастились, а Володея стала поедать оливки целыми корчагами. Яблоки, груши, дыни, финики! Иной раз, напробовавшись, княгини по полдня не вылезали из отхожего места, но, оправившись, уже опять тянули незнакомую ягоду в рот. Для отроков греки привозили много хлеба погрубее, копченого мяса, рыбы.

Таким образом прошел не день и не два, прежде чем сама Эльга перестала вертеть головой по сторонам, сумела обратиться с мыслями и задаться вопросом: так когда же она встретится с хозяевами всего этого – василевсами Константином и Романом?

* * *

Однако первым гостем русов оказался все тот же Савва Торгер. Всего через пару дней после их водворения в пред-

местье Маманта он снова явился сюда и попросил о встрече.

Эльга, томимая нетерпением приступить к делам – тогда она еще не знала, что больше всего ей здесь понадобится именно терпение, – приняла его вместе с Мистиной и пятью приближенными Святослава. Последних возглавлял Улеб, сын Уты и двоюродный брат молодого князя. Савву сопровождал оптион – помощник для поручений – и топитирит друнгария флота, то есть доверенное лицо от начальствующего над морским войском. Первый – еще молодой человек с простыми чертами и деловитым выражением, а второй – более зрелый, с невыразительным лицом, на котором не то сильный ожог, не то болезнь оставили множество мелких шрамов. Оптион молчал потому, что ему говорить при старших не полагалось по должности, а подручный кораблеводителя – просто по душевной склонности. Толмач не требовался: все трое знали северный язык, поскольку по рождению принадлежали не к грекам, а к норманнам. И все трое почтительно перекрестились при входе в триклиний, где под сводом был в ярких красках мозаикой изображен на золотом поле образ Иисуса Христа – с рыжеватыми волосами и бородой, в красной тунике и синем плаще. По бокам от него застыли в поклоне: слева покровитель предместья святой Мамант Кесарийский, с дикой козой возле колен, справа его святые родители Феодот и Руфина. Эльга, сидевшая лицом к двери, заметила, как изменилось лицо вошедшего Саввы, когда взгляд его упал на лик Христа: в нем мелькнуло ожив-

ление, будто он увидел важного и приятного для себя человека, который тоже видит его.

Этериарх Савва Торгер, глава «средней этерии», состоявшей из наемников-норманнов, был уже далеко не молод. Судя по выдубленному морщинистому лицу и спокойному, мудрому взгляду светло-серых глаз, ему перевалил за середину шестой десяток. Высокий чин давно уже не требовал от него участия в схватках, но он явно не прекращал упражняться и оставался строен и крепок, как тридцатилетний: ни сутулости, ни тучности. Загорелая лысина поднималась почти до маковки, но на затылке еще держались коротко остриженные полуседые волосы; борода, совсем седая, была густа и опрятна, усы красиво загибались кончиками кверху.

– Откуда ты родом? – спросила у этериарха Эльга, когда все уселись.

Это очень старый обычай: при новом знакомстве попробовать счесться родней. И хотя в такой дали от дома он вряд ли имел смысл, привычка оказалась сильнее доводов рассудка.

– Из церкви Святого Ильи, – полушутливо ответил Савва и пояснил: – Там я появился на свет в баптистерии, и случилось это всего двадцать пять лет назад. Как видишь, христианин Савва еще далеко не стар, а скорее весьма молод. Уж куда моложе того язычника по имени Торгейр, который утонул в крестильной купели и сгинул, к счастью, навсегда. Что толковать о мертвце?

Настаивать на серьезном ответе Эльга сочла невежливым: возможно, этот человек не хотел, чтобы кто-либо мог встать на его обратный след. Мистина бросил ей быстрый значительный взгляд: тоже так подумал.

– Возможно, вам известно, что ныне этерий существует три, – рассказывал Савва Торгер.

На нем был очень красивый кафтан красновато-коричневого шелка с желто-золотистой отделкой, но вся повадка выдавала воина – породу, которую Эльга угадывала с первого взгляда, ибо прожила близ этих людей всю жизнь. По привычке он часто вставлял греческие слова, о смысле которых приходилось переспрашивать, и выговор его звучал непривычно, но все же собеседники понимали друг друга, и киевским русам приятно было встретить здесь людей, говоривших на том же языке.

– Великая этерия набирается из македонцев, средняя этерия – это наши люди, в малой этерии служат всякие турки и сарадины, обращенные в христианство. И есть великий этериарх, начальствующий над всеми тремя, – он грек, его зовут Никанор Мита. Пользоваться наемными войсками – для ромеев очень старая привычка. Она насчитывает много столетий. Нынешней этерии положил начало василевс Лев Армянин, лет сто назад, и неудивительно, что его ближайшие наследники обратили взоры к тому народу, который в то время прославился боевитостью, – усмехнулся Савва. – Норманны тогда ураганом прошли по Франции, Испании, Италии,

Британии и были известны как весьма способные к сражениям люди. Не знаю, кто был здесь первым наемником из Северных Стран, может быть, этериарх Ингигейр, чья дочь вышла за Василия по прозвищу Македонянин. Наш Константин август – их внук. Средняя этерия служит василевсам, как конунгам служат хирдманы – охраняя Мега Палатион, собственные их покои и вестиарий, где хранятся сокровища и самое дорогое платье. Вестиаритов здесь принято называть «львами» – как за их силу и бесстрашие, так и за золотые и рыжие бороды. Ты, верно, не знаешь, но греки считают, что наименования русов произошло от слова «русиос» – «рыжие».

– Должно быть, наградами вас не обижают? – улыбнулся Мистина, выразительным взглядом окидывая одежду и оружие Саввы.

Будучи равнодушен к красивым вещам, он старался задавить невольную зависть.

– Василевс понимает, что от нашего довольства зависит его безопасность, а значит, жизнь. Но Романия продолжает вести войны с сарацинами Сайф ад-Даулы, эмира Алеппо и повелителя Сирийской пограничной области, а также с эмиром острова Крит, который ежегодно подвергает набегам и разграблению побережья Романии. Поэтому василевсу постоянно нужны воины. Замирившись с болгарами тридцать лет назад, ромеи наконец смогли взяться за сарацин как следует. Был здесь один очень толковый полководец – Иоанн

Куркуас...

– Нам он известен, – вставил Мистина, уже без улыбки, и невольно коснулся груди.

Шрамы от пики катафракта давно зажили, но битву под стенами Ираклии Понтийской он помнил как сейчас.

– А, ну да! – Савва понимающе посмотрел на него, что-то вспомнив. – Это же были вы...

– Именно тот отважный муж правил морским войском греков, когда мы приходили сюда с Хельги Красным, – пояснил Мистина в ответ на удивленный взгляд Эльги.

– Но в то лето domestика Иоанна не оказалось в столице, и в Босфоре вас чуть не сжег живыми не он, а Феофан, протовестиарий. Вообще-то старший вестиарий занимается присмотром за василевсовым платьем, – без малейшего сочувствия к этому двойному позору киевских русов засмеялся Савва, и рты обоих его спутников дрогнули в сдержанных улыбках, – но, как хранитель сокровищницы, считается и начальником над «львами»-вестиаритами. Однако я упомянул про Иоанна. Он не раз потрепал сарацин, и очень сильно. Дочиста разграбил Алеппо и тысячу других городов... Хотя я не знаю, кто именно их считал, – проворчал Савва, и в голосе его послышалась ревность к славному предшественнику. – Но здесь так говорят. Кое-что в его добыче было дороже любого золота: он привез из Эдессы Мандилион отпечаток святого лика Христова на полотне¹⁴. Его выменяли на две

---

¹⁴ Иначе Спас Нерукотворный. По преданию, отпечаток лика Христа остался на

сотни пленных и ввезли в Константинополь через священные Золотые ворота, в которые имеет право проходить лишь василевс-триумфатор или Царь Небесный. Теперь Господь постоянно пребывает в Новом Риме – эта святыня хранится в церкви Богоматери Фаросской. Когда будете в Мега Палатиионе, попросите позволения поклониться ей – будете вспоминать всю оставшуюся жизнь.

На лицах Улеба, Стейнкиля, Добровая и других отразилось недоумение: полотенце с отпечатком чьего-то лица не вписывалось в представления гридей о богатой и почетной добыче.

– И в последние годы Константин август с Божьей помощью сильно потеснил сарацин: мечом проложил дорогу к Тарсу, Иерусалиму, Антиохии, – продолжал Савва. – Ему нужны новые воины, чтобы сражаться за дело Христа, и перед ними откроется весь богатейший Восток. Так сколько лет вашему князю, а твоему сыну, королева? – обратился он к Эльге.

– Девятнадцать.

– О, только мать может сказать так точно! Выходит, он уже достаточно взрослый, чтобы понять, какое достойное и выгодное дело ему предлагают. Если у вас есть люди, которым нужна слава и добыча – а я думаю, что они у вас есть, – то василевс примет их на службу. И если сам Сфендослав приведет их, то я почти могу обещать – насколько мне известен

убрусе, которым тот отерся. Таким образом появилась первая в истории икона.

порядок таких дел, – что архонт росов получит почетный титул патрикия, как получали иные до него. Скажем, архонты турок Вулчу и Дьюла¹⁵ несколько лет назад.

Савва подмигнул Улебу, на которого ему ранее указали как на двоюродного брата киевского князя и его главное доверенное лицо.

– У нашего князя есть своя земля, он правит ею, и ему незачем наниматься на службу к другим князьям, – надменно обронил Улеб.

– Но василевс ромеев – царь над царями, власть он принимает прямо из рук Бога и распределяет между всеми другими властителями в мире.

– Наши князья власть от своих дедов получают! – возмутился Улеб. – От наших богов, судьбы и с согласия дружины!

– Это лишь внешняя сторона вещей! – поправил Савва, улыбаясь, будто разговаривал с ребенком. – Всем правит воля Божья, просто Божий промысел не всегда очевиден смертным. Лишь познавший истину Христову начинает понимать, как на самом деле устроен мир и кому в нем надлежит повиноваться, дабы обрести спасение.

– А также и то, что спасение души куда дороже любой земной власти, – мягко поддержал его Олег Предславич, и Савва благодарно кивнул ему.

– Я думаю, для начала наш князь пожелает узнать об усло-

---

¹⁵ Турками византийские источники называют венгров. Указанный факт имел место.

виях найма, – заметил Мистина, возвращая беседу в нужное русло. – Мы должны будем передать ему все подробно. Ты, Торгейр, верно, еще не забыл старый обычай: как делить будущую добычу, решают и скрепляют уговор клятвой еще на берегу, до того, как первый хирдман возьмется за весло. Те, кто забывает о нем по легкомыслию, потом платят за свою долю куда большую цену, чем она стоит, какой бы ни была.

– Это мудрый обычай, – согласился Савва, – но ромеям нет нужды учиться у русов. Здесь давно уже приняты законы и установлены порядки для таких вещей.

Он посмотрел на своего спутника – помощника кораблеводителя. Того звали Ефим Ислет – такое прозвище греки сделали из его прежнего имени Ислейв.

– Нам нужны люди, и мы принимаем всех: кто приходит сам по себе или целыми дружинами во главе с вождем. Вождь получает воинский чин – смотря много ли людей привел и как себя покажет. Если, скажем, людей у тебя всего на декархию – это десять человек, – то станешь декархом. Если сотня – будешь кентархом. Две-три сотни – это уже тагма, но тагматархом чужака сразу не поставят, сперва надо себя показать и заслужить доверие. Другнарий флота собирает тагму, то есть дружину, и дает ей корабль. Василевс обеспечивает людей оружием и содержанием, а также платит жалование. Оно тем хорошо, что его выдают всегда: есть война, нет войны, есть победы, нет побед... – ухмыльнулся он.

– Хорошо для трусов и раззяв – сиди себе дома, без вой-

ны и без побед, да получай серебряшки, – хмыкнул в ответ Стейнкиль, парень самоуверенный и резкий в обращении.

Уверенный вид Ислета задевал русов: они чувствовали себя глупыми отроками, которых впервые учат правилам войны. Это их-то, чьи деды и прадеды сражались под стягами прославленных вождей!

– Не волнуйся – войны у василевса хватит на всех, – успокоил Ислет. – А победы – это будет дело вашей доблести и ума вашего стратилата.

– Ну а как же вознаграждаются победы? – осведомился Радольв – сын воеводы Вуефаста, пятнадцать лет назад ездившего в Царьград послом от малолетнего еще Святослава. – Как распределяется добыча?

– Все, взятое в бою и захваченное у противников, является собственностью василевса. А уже он, руками своих доверенных людей и должностных лиц, награждает достойных – кого деньгами, кого титулами и должностями, кого земельными наделами. После больших побед раздается много щедрых наград: и высоким чинам, и простым людям. Каждый получает сообразно своему чину: чем выше чин, тем выше награда.

– Собственностью василевса? – Мистина недоверчиво поднял брови. – Мы привыкли, что добыча является собственностью дружины, которая ее захватила. Что с бою взято, то свято. Так у нас говорят. А вождю лишь принадлежит почетное право распределять взятое, за каковой труд он и

получает десять долей.

– И мы слышали, как у вас дележка происходит, – вставил Радольв. – Мой отец знал одного, который служил тут, у греков – может, у этого вашего Иувана... Так он говорит, дружине по серебряшке раздадут, а все остальное воеводы царские делят – дескать, это они город взяли, им и добыча! Василевсу, дескать, принадлежит!

– Да где он был, ваш василевс? – хмыкнул Стейнкиль. – Небось дома сидел, пиво дул да девок щупал, пока люди кровь проливали!

– Бывает, что василевс принимает участие в битвах, но нечасто, – Савва улыбнулся, скорее забавляясь этой юной самоуверенности, чем сердясь. – Ему не нужно пытаться заслужить часть добычи, как простым смертным. Добыча, мой юный лосось, принадлежит василевсу, потому что василевсу принадлежит в Романии все.

И пока русы обдумывали эту чеканную истину, Савва вдруг повернулся к Эльге:

– До меня доходил слух, будто народ рос и его архонты выражают благочестивое желание – принять святое крещение и стать наконец верными друзьями Василии Ромеон...

– Пока не все ее архонты выражают такое желание, – вставил Мистина, – но они подумают об этом, если получат основания.

– Но ты, королева, приехала сюда, чтобы стать христианкой?

Удивительным образом Савва, вроде бы слушая Мистину, ухитрялся не придавать его словам никакого значения, будто разговаривать стоило только с Эльгой. Это могло бы ей польстить – не все равные ей положением соглашались не шутя разговаривать о делах с женщиной, – но она угадывала за этим скрытое чувство соперничества, а соперничать с Мистиной было опаснее, чем благодушный Савва Торгер предполагал. Хотя он явно и сам не лыком шит.

– У меня было намерение сделать это, – сдержанно ответила Эльга, – если слухи о могуществе и богатстве греков, которые доходили до меня, окажутся правдивы.

– И ты не пожалеешь, если примешь это решение, которое выведет тебя из тлена в жизнь вечную. Ты сможешь послужить орудием в деле Христа, дать ему новые тысячи воинов, чтобы и иные святыни, вслед за Спасом Нерукотворенным, освободить из нечестивых рук, раздвинуть пределы Романии, увеличить мощь и славу верных во Христе Господе автократоров августов, великих василевсов ромеев Константина и Романа. Уже за это Господь простит тебе многие грехи.

– Княгиня еще не стала христианкой, а значит, Христу пока нечего ей прощать, – заметил Мистина, которому этот поворот разговора понравился не больше предыдущего.

Едва взглянув на него, Савва продолжал пристально смотреть на Эльгу из-под бровей, еще довольно темных, и его взгляд почему-то смущал ее. Сейчас она заметила на его пра-

вом виске старый шрам из двух белых рубцов и подумала: немало пережил этот царьградский лев, норманн родом, но истинный ромей по образу мыслей.

– Я получил эту отметину очень давно, – Савва заметил ее взгляд и прикоснулся пальцем к шраму, – более двадцати лет назад, когда мы под началом domestика Иоанна захватили Мелитену. Я сам тогда еще был язычником, но дал обет стать христианином, если Господь сохранит мне жизнь и поможет оправиться от раны. В те времена я убедился, как много Бог дал избранному им народу ромеев. Вы сами уже видели немало из Его благодеяний, и с каждым днем будете видеть их все больше и больше. Я сам многое покажу тебе, королева, если только логофет дрома не станет возражать... Но у меня есть средства сделать его покладистым, – Савва усмехнулся. – И с того дня я ни разу не пожалел о своем решении. Вступая в семью христиан, ты становишься бойцом сильнейшего в мире воинства, чье наследие будет велико: на земле – это золото и почести, а после смерти нечто большее – спасение души и царствие небесное. Ты, королева, достаточно умна, чтобы понять все эти преимущества. Я вижу это по твоим глазам.

Эльга не ответила, лишь слегка наклонила голову. Не слишком ли много он пытается увидеть в ее глазах? Мистина, судя по застывшему лицу, тоже находил, что гость позволяет себе лишнее. И вот-вот скажет об этом вслух...

– Мы благодарны вам за внимание и за рассказ, – со сдер-

жанной любезностью произнесла Эльга: пришла пора заканчивать беседу, пока чего не вышло. – И непременно обсудим ваши предложения с послами моего сына и других наших конунгов и хёвдингов.

Когда гости удались, Мистина пошел провожать их до дверей. Отроков Эльга отпустила в сад – ясно же было, что им не терпится сбросить кафтаны и обсудить услышанное между собой, не стесняясь в выражениях, – а сама осталась сидеть в триклинии, обмахивая шею концом убруса. В месяц кресень и в Киеве жара, а здесь она в своем белом платье из тонкой шерсти едва не таяла.

Вернулся Мистина, на ходу расстегивая мелкие золотые пуговицы на полураспашном кафтане. На ходу расстегнул пояс, стащил через голову кафтан, бросил своему отроку, сделал бровью знак: унеси. Сел напротив княгини, подул себе за пазуху.

– Видела у этого, – он кивнул назад, вслед ушедшим, – хёвдинга корабельного вся рожа в шрамах? Это его «греческим огнем» когда-то обожгло. От него такие же отметины остаются.

– Он не всегда воевал на стороне греков?

– Похоже. Неудивительно, что этот Савва, он же покойный Торгейр, так складно пел. Судя по платью, мечу, поясу и перстням, этому соловью седоватому добра перепадает немало. Но, честно говоря, если я пытаюсь представить, как буду в Олеговой гриднице уговаривать людей послужить ва-

силевсу, который возьмет всю добычу себе, а уж потом наградит их, как посчитает нужным, то чувствую себя дурак дураком. Будешь говорить с самим василевсом: наши условия обычные – мы сами правим своими дружинами, выполняем то, что нам поручат, и владеем тем, что захватим... Слушай, как бы нам тоже шелковые кафтаны справить, а то упаримся здесь совсем.

* * *

Через три дня отроки доложили, что Эльгу просит принять помощник Саввы Торгера – оптион Даниил. Его прислали предупредить, что завтра этериарх будет сопровождать в палатион Маманта очень важное лицо: патрикия Артемия Конда – логофета дрома. Аудун и другие купцы ранее объясняли Эльге, что именно через его людей ведут все дела, но самого боярина-патрикия купцы никогда не видели: это был слишком важный чин, чтобы лично общаться с каким-то торговцами, да еще варварами. Купцы в своем «страхонесе», или подворье, уже всюду принялись за дела: ездили в город, искали покупателей на меха, мед и прочее, приглядывались и приценивались к тому, что хотели купить, приходили советоваться к Эльге и другим хозяевам товара. Ее же настоящие дела пока не двигались с места, но тут купцы не могли помочь: в царский дворец, где это все решается, им ходу не было.

Зато они доставили выменянный на куниц гладкий шелк – простой, из городских лавок, и женщины сели шить платья и кафтаны для дома. Наряды для дворца они привезли с собой, но оказалось, что в тонких шерстяных платьях тут можно умереть от жары. К счастью, бобры, куницы и особенно соболя здесь стоили куда дороже, чем дома, а Эльга привезла про запас, понимая, что при содержании такой оравы могут возникнуть самые неожиданные расходы.

Благодаря новости Даниила Эльга вздохнула с облегчением: она уже стала бояться, не забыл ли про них василевс. Может, прихворнул? – говорили русы между собой. – Или на войну уехал? Хорошо, что им дали отдохнуть с дороги, но пора бы уже и повидаться, о делах поговорить. Посмотреть, как виноград растет, конечно, любопытно, однако не для этого они такой ордой волоклись на другой конец белого света! Княгиня надеялась, что если завтра они обо всем условятся с боярином, то на днях можно будет встретиться и с царем.

– Этериарх поручил мне передать еще кое-что, – почтительно добавил Даниил, устремив на Эльгу доверительный взгляд.

– Что же?

– Патрикий Артемий – скопец. Многие русы презирают таких людей и считают их пригодными только для... – парень запнулся, – непристойных утех, но тебе следует знать: в Романии оскопление ничуть не вредит чести и не мешает

занимать высокие должности.

– Ведь евнухи земными страстями не мучимы и потому ангелам Божиим подобны, – вставил отец Ригор.

– Среди прославленных полководцев или царедворцев немало скопцов, – добавил Даниил. – На иные должности при особе василевса назначают только скопцов, и они при нем в большую силу входят.

– Это почему? – полюбопытствовал Мистина. – За жену опасается?

– За себя, – светловолосый парень сдержанно улыбнулся.

– Что?

– Греки считают, что обычный мужчина может сглазить василевса. А скопец не может – у него же силы нет... Поэтому при спальне, при платье и прочих таких делах – только скопцы. Василий Ноф, паракимомен, то есть старший спальник, тоже скопец, и он же царев самый главный помощник и советник по всем делам. Иосиф Вринга был препозитом Мега Палатиона, то есть правил всеми приемами и пирами, а с нынешней весны он сакеларий и старший кораблеводитель. Также и Артемий – будет неразумно показать, что тебе, княгиня, или твоим людям неприятна эта его... особенность. Так мне велел передать этериарх.

– Вот не думал дожить до такого: говорить о делах с какой-то... мужебабой! – воскликнул Претибор, посол Грозничара черниговского.

– Ну а он не думал дожить до того, чтобы вести перегово-

ры с женщиной, – напомнил Алдан.

– Передай твоему хёвдингу нашу благодарность, – сказала Даниилу Эльга. – Радольв, предложите гостю вина.

Даниил поклонился, и Святославовы отроки увели его. Пусть поболтают между собой: здесь полезны любые связи, особенно с людьми, понимающими северный язык.

Когда царевы мужи вступили в триклиний, Эльга ждала гостей, сидя в дальнем конце покоя. Там было устроено нечто вроде открытой клетки с округлыми стенами, куда вели две широкие, невысокие ступени из рыжеватого пятнистого мрамароса. Небольшое внутреннее пространство освещали два оконца в толстенной стене. Эльга приказала передвинуть туда большой ларь, украшенный резной костью. На него положили пару подушек, и Эльга сидела на нем, принимая гостей, как у себя дома. С возвышения в конце открывался хороший вид на весь покой и людей за столами.

Встречи с важным царедворцем она ждала с волнением и некоторой тщательно скрываемой растерянностью. Мужчина, который на деле вовсе не мужчина, ей казался кем-то вроде оборотня. Или даже не совсем живого. Однако Артемий – человек очень влиятельный. После окаменевших людей на верхнем ярусе вид мужика без снасти она как-нибудь перенесет, успокаивала себя Эльга. Он же в портках, снаружи ничего не видно, только вот бороды нет.

Сама Эльга смотрелась достойной хозяйкой этого изящного беломраморного покоя – в белой шелковой далматике

с голубой отделкой и жемчужным шитьем, с белым убрусом на голове, с длинными моравскими подвесками на очелье. Даже во взгляде Артемия, никогда не знавшего влечения к женщине, при виде нее промелькнуло если не одобрение, то во всяком случае любопытство.

Логофет дрома, носивший высокое звание патрикия, оказался рослым, плотным, если не сказать тучным мужчиной средних лет; еще не старым, но вида не слишком свежого. Черты полного лица выглядели оплывшими, но хранили выражение горделивой важности. На седоватой коротко стриженной голове сидела высокая округлая шапка, сплошь шитая золотом. Его сопровождал десяток воинов и еще какие-то люди без оружия, одетые более скромно.

– Да благословит Бог этот дом и его гостей! – Голос у гостя оказался слишком высоким для человека такого крупного сложения. – С твоим приездом, архонтисса, этот палатион стал дворцом чудес! Клянусь головой василевса! Я повидал в жизни многое, но ни разу не видел, чтобы в тронной апсиде кто-нибудь сидел... на сундуке!

– Где? – не поняла Эльга.

– Известно ли тебе, что это – место для трона?

– Нет, – Эльга улыбнулась. – Трона здесь не было. Но я сразу поняла, что это место для меня.

– Конечно, его не было. Трон Михаила вынесли, когда решили поместить тебя и твоих людей в этот дворец. Кто же мог догадаться, что бойкие русы сами восполнят недостаток

убранства!

По левую руку от Эльги уселись на длинной лавке женщины свиты, а по правую – послы. Ее племянник, ныне древлянский князь Олег Предславич, княгинин зять Мистина – киевский воевода, Алдан, через брак с Предславой Олеговой вошедший в круг княжьей родни, Соломир Дивиславич – воевода вышгородский, его двоюродный брат Колояр Держанович. Молодые воеводы Войко – зять Мистины, Одульв – сын воеводы Ивора, почти полтора десятка лет назад ездившего послом в Царьград от Ингвара. Святослав прислал пятерых, кому доверил говорить от своего лица: двоюродного брата Улеба Мистиновича и ближних гридей: Стейнкиля, Градимира, Радольва и Добровая. В глазах своих приближенных Эльга с беспокойством заметила брезгливое любопытство, будто перед ними сидел не высокопоставленный царедворец, а говорящая жаба. И с тревогой подумала: а что если и у нее самой такой же взгляд?

Она попыталась расслабить лицо и придать взгляду приветливость, но, к счастью, Артемий был слишком преисполнен сознанием собственной важности, чтобы вглядываться ей в глаза.

– К нам в первый раз приехала женщина-игемон, и поэтому требуется обсудить порядок твоего представления августу, – объявил патрикий, тоже усевшись.

– Как ты меня назвал? – удивленная Эльга нахмурилась. – Гиги... гиге...

– Игемон, – повторил Артемий. – Ведь среди твоих спутниц есть другие архонтиссы?

– Да, – Эльга глянула на своих женщин, которые внимательно рассматривали узорный шелк синей далматики Артемия и гладкий – малинового плаща с квадратной золотой нашивкой на груди. – Мои родственницы, княгини других русских земель.

– Но они подчинены тебе?

– Да. Вот это – моя родная сестра Володея, княгиня земли Черниговской. Это – Прибыслава, моя двоюродная внучка, княгиня земли Смоленской. Это моя двоюродная сестра Ута, она была в прошлом замужем за Дивиславом, князем ловацким. Ее нынешний муж – Мистина Свенельдич, мой первый воевода и советчик.

Подручные Артемия торопливо царапали палочками по восковым дощечкам: записывали важные сведения.

– Ярослава – жена моего племянника Олега Предславича, княгиня древлянская. Это – их дочь Горяна. Это – Предслава Олеговна, старшая дочь моего племянника, она была княгиней древлянской в прежние годы.

Асикриты подняли на нее удивленные взгляды, не понимая, как мать унаследовала княжество за живой дочерью, но Эльга не стала объяснять: их какое дело?

Таким порядком Эльга рассказала обо всех своих спутницах и наиболее знатных спутниках, после чего Артемий задал главный вопрос:

– Кто из вас двоих является главным архонтом России – ты или твой сын? Он ведь уже взрослый?

– Мы оба главные. Много лет назад, еще пока мой сын был ребенком, Ингвар признал нас двоих своими соправителями. Это было нужно, чтобы утвердить равные права на Киев за моим и за его родом. Мы с сыном были соправителями Ингвара, а теперь мы – соправители друг друга.

Артемий не удивился: у каждого ромейского василевса бывало и побольше двоих соправителей.

– Значит, ты можешь носить титул игемона, то есть владычицы над всеми прочими. А остальные – просто архонтиссы. Когда вы предстанете перед василевсами, то, подойдя к трону, нужно будет совершить проскинесис...

– Что совершить?

– Проскинесис. Иначе говоря, пасть ниц перед августом, протянув руки вперед.

– Я? – Эльга удивилась. – Я ни перед кем падать не собираюсь.

– Таков порядок. Василевс является повелителем всего обитаемого мира и владыкой над всеми иными владыками и архонтами. Ибо он космократор, царь царей, царствующий над царями! Всякий, кто прибывает из дальних стран лицезреть его, должен выразить свое почтение, совершая проскинесис.

– Нам-то он не владыка! Он что, на войне нас победил? Земли наши завоевал? Ничего похожего: это мой дядя Олег

и мой муж Ингвар не раз приходили сюда с войском и с победой возвращались. Не брали вы над нами такой силы, чтобы мы перед вами ниц падали! Ты лучше скажи, когда уже василевс нас к себе позовет.

– Ваш прием еще не назначен, но мы можем назначить его на один из дней уже в первой половине септембриоса.

– Это когда? – не поняла Эльга.

– Сейчас начало иуниуса.

– И что?

– Это значит, что василевс сможет принять тебя через три месяца, – как ребенку, растолковал Артемий.

– Три месяца? – Эльга в изумлении воззрилась на своего толмача, Торстейна, и тот подтвердил: нынче кресень-месяц, а принять царь обещает в месяц вересень.

– Да вы что, с ума сошли? – Эльга подняла брови и наклонилась вперед, не веря услышанному. – Три месяца мне здесь у вас сидеть? Да через три месяца наши купцы уже домой поедут, вот и мы...

– Ну, что ж, – усмехнулся Артемий, – дабы посмотреть проастиЙ Маманта, тебе уже стоило приехать от крайних северных пределов. И поскольку августам ничего от тебя не нужно, я думаю, они не станут препятствовать твоему отъезду.

– Но почему так долго? Я за год объявляла, что желаю приехать, и августы согласились, прислали мужей своих, чтобы меня встретили в Месемврии, дары поднесли и заверили,

что Константин и Роман меня ждут. Почему теперь тянуть до самой осени? Что за шутки?

– Какие шутки? Я не мим, чтобы шутить с тобой! – Артемий тоже начал досадовать. – Ваш прием будет назначен на самое раннее число, какое только возможно, едва мы получим ясность о некоторых вопросах. Ты думаешь, августам больше нечего делать, кроме как встречаться с каждым варварским архонтом, какого любопытство или корысть приведут в Новый Рим? Клянусь головой апостола Филиппа! Такие посольства, как ваше, сюда приезжают каждый день! Василевсы должны принимать их, заниматься делами Романии, присутствовать на играх ипподрома, посещать церковные службы! Знаешь ли ты, что посещать службы василевс должен каждый день, и его священные обязанности требуют немало времени. Ежедневно он встает на заре и все время между утренней молитвой и обедом посвящает делам. Стратиги, царские протонотарии, должностные лица в селах, областях, городах – все и отовсюду шлют василевсу письма. Он должен прочитывать и эти письма, и ответы на них, определять, как быть с теми, а как – с этими. Он принимает чиновников, следит, приносят ли пользу разные нововведения. Василевс наш Константин – советник, радетель, стратиг, воин, военачальник, предводитель! К тому же он очень любит ученые занятия и сам составляет научные труды для назидания своих детей и блага грядущих поколений. Сейчас он работает над жизнеописанием своего великого деда, Василия авгу-

ста. Его дни распределены, а приемы иноземцев расписаны на месяцы вперед! Для сбережения времени мы вынуждены на прием или обед приглашать по два-три посольства сразу.

Эльгу бросило в жар; стиснув зубы, она лишь надеялась, что по ее лицу не видно, насколько она раздосадована и унижена.

– Но вы же знали о том, что я приеду нынче летом!

– Откуда мы могли знать, в какой день ты приедешь – да и приедешь ли вообще? Теперь, когда ты здесь, мы можем назначить день приема. Но сперва нужно решить некоторые вопросы... Итак, – Артемий положил усаженные дорогими перстнями пальцы на толстые колени и подался вперед, – изложи, ради какой нужды твоя светлость приехала в Романию?

– Я скажу об этом василевсу, когда мы увидимся, – Эльга не поняла, зачем ее спрашивают об этом заранее.

– Когда вы увидите, вы говорить не будете. Никто из посещающих Священный Дворец не может напрямую говорить с августейшими особами. Когда тебя допустят предстать перед тронном, я сам встречу тебя у ступеней и от имени василевса буду предлагать вопросы и передавать приветствия. Послы в этом случае вручают свои грамоты и сообщают о здоровье пославших их архонтов. Но поскольку ты сама – архонт, то грамот передавать не нужно. После этого послы удаляются, а все дела обсуждают надлежащим порядком с назначенными для этого людьми. Для этого есть я, есть па-

ракимомен Василий, протоасикрит Симеон, один-два магистра, кому василевсу угодно будет поручить разговор с тобой. А уже высшие чины передают августу просьбы иноземцев и его ответы. Когда же все будет обговорено, василевс тем же порядком дает им прощальный прием, где выражает пожелания удачного пути.

– Вот как! – Эльга всплеснула руками. – То есть гости видят его, когда приезжают и когда уезжают, но ни разу не говорят с ним?

– Видеть повелителя христианского мира, царя над царями, – достаточная честь. Если он сам будет еще говорить со всяким о его делах, то у него не останется времени даже обратиться к Богу.

– Но я приехала для переговоров с василевсами, а не с тобой!

– Я полагаю, в вашу честь будет дан обед, а может, и игры на ипподроме. Там ты, вероятно, сможешь обменяться с василевсом несколькими словами.

– Игры, обеды! Я не играть приехала! У нас дела важные.

– Я здесь для того, чтобы выслушать о ваших важных делах.

– Я не стану говорить с тобой о моих делах, – отрезала Эльга. – Это касается кесарей и меня.

– Таков порядок, – со сдержанной досадой, наставительно повторил Артемий, мысленно прося у Бога послать ему терпения. Поистине, терпение – первая добродетель того, кого

должность понуждает постоянно возиться с варварами. – Не все дела достойны того, чтобы тревожить ими слух василевса и занимать его время.

– Так что же, – Эльга подалась вперед, – нам нужно прийти в Суд с войском на тысяче кораблей, чтобы василевсам стало угодно нас выслушать!

В мыслях мелькнуло: а что если они были правы – Бряцало, Альрик Шило, Вуефаст, Сигдан Ледяной, – твердившие, что греки понимают только язык меча и секиры?

– Тогда адское пламя поглотит вас еще при жизни, – презрительно бросил Артемий. – Твой муж, помнится, испытал это на себе. Клянусь головой василевса! Я вижу, вы пришли не ради мира, а чтобы вести споры!

Каждый лучше помнит свои победы, чем поражения. И греки лучше помнят разгром при Иероне, чем те набеги руси, которые завершились выкупом, данью и заключением договоров. Пылая негодованием, Эльга хотела напомнить о них, но сдержалась. Имея цель считаться обидами, лучше приходиться с гридями, а не с бабами. Сейчас русы в первый раз пытаются говорить с греками на другом языке, а по первости и более легкие вещи худо выходят.

– Коли таков порядок, то вот что! – Эльга взяла себя в руки. – Объяви царям и патриарху: я приехала сюда, желая быть наученной Христовой вере и принять святое крещение. Я желаю получить наставление от патриарха, а принять крещение от самого василевса, ибо он – владыка христианского

мира.

– Сам Бог вложил тебе в душу это благочестивое желание! – Округлое лицо Артемия разгладилось, и он принудил себя улыбнуться. – Вот все и устраивается наилучшим образом. Твоей светлости стоит прежде принять крещение, а уж потом явиться к василевсу. Возможно, если василевс изволит удовлетворить твою просьбу и самолично станет твоим крестным отцом, то тебе можно будет предстать перед ним, не совершая проскинесис. А поскольку перед крещением тебе предстоит научиться всем законам христианской жизни и доказать прочность твоего намерения, это займет время до приема.

– Я уже наставлена в христианской жизни, – Эльга нашла глазами священника, Ригора-болгарина.

Она привезла его с собой из Киева именно с той целью, чтобы он засвидетельствовал перед греками ее готовность.

– Об этом тебе стоит говорить не со мной, а с патриархом. Уверен, он с радостью откликнется на твою просьбу. И когда он назначит день твоего крещения, я смогу назначить день приема. Ради блага твоей души надеюсь, что не придется ждать долее необходимого.

С этим патрикий Артемий и простился с Эльгой. И теперь она знала: сколь ни удивителен показался им этот громадный дом-гора, дальше все будет еще сложнее.

О том, чего Эльга на самом деле хочет от василевса, знали она сама и трое мужчин: Святослав, Мистина и Асмунд. Даже Уте не сказали, чтобы не проговорилась как-нибудь случайно дочерям и слух не пошел гулять по Киеву. Снаряжая княгиню-мать с посольством в Царьград, Святослав и дружина хотели простой вещи: чтобы греки помогли задуманному походу на хазар. Не войском – сами найдем, а лишь участием своих союзников: печенегов и алан. От первых требовалось прежде всего не трогать русские рубежи, пока войско будет занято в другом месте, и еще помочь конницей, а от вторых – напасть на Шелковый путь в пределах кагановых земель, что вынудило бы хазар разделить силы. Замысел был недурен и, в общем, вполне осуществим: грекам почти ничего не пришлось бы делать самим, лишь повлиять на союзников, что им вполне по силам. А русам это обеспечило бы почти верную победу. Эльге и послам предстояло добиться от греков согласия на этот замысел.

Легко сказать! Удача и самой Романии обещала большие выгоды: греки получили бы всю Таврию, свое прежнее владение, двести лет назад отнятое хазарами. От бывшего василевсам осталась только фема Херсонес и устье Днепра, но и те без малого двадцать лет, со времен совместного похода Хельги Красного и Песаха платило дань кагану. В то время

как обладание Боспором Киммерийским¹⁶ сулило огромные торговые выгоды. Эльга считала, что попытаться стоит: русы и греки раздели бы наследство одряхлевшей Хазарии, что всем пошло бы на пользу. Русь, завладев частью путей на Восток, получила бы доступ к огромным богатствам без необходимости постоянно ходить в грабительские походы. Отказалась бы от бродячей жизни: лето – война, зима – полюдь. Смогла бы обрасти жиром, пустить корни, создать державу не хуже Болгарского царства, а там и Греческого. Мужьям и братьям следующих княгинь не придется с юных лет браться за оружие, чтобы заслужить честь и раздобыть сокровищ.

Но чтобы тебя стали слушать, нужно общаться на понятном языке.

– Ясное дело, что греки хотят назад себе Таврию отхватить, – говорил Асмунд. – Но едва ли они так уж хотят, чтобы мы заняли часть Шелкового пути, а то и днепровское жерло!

Эльга понимала, что эти сомнения справедливы. И мысленно нашла решение, но поделилась им только с тремя наиболее доверенными людьми: сыном, братом и свояком.

– Василевс чужому человеку, может, и не захочет помогать, а своему – захочет, – сказала она им. – Как говорится, у него серая уточка, у нас ясный сокол.

– Это ты про кого? – удивился Святослав.

– Про Улебку, что ли? – Асмунд вопросительно посмотрел на Мистину.

---

¹⁶ Керченский пролив.

– Про тебя я! – вздохнув, пояснила Эльга сыну. – Князь киевский-то кто? Не Улебка ведь!

– У меня есть жена! – напомнил Святослав.

Он женился всего пару месяцев назад и еще не мог надяться на Прияславу, хотя изо всех сил старался этого не выдать.

– И что?

Святослав помедлил: ну, да, где одна жена, там случается и другая. Просто ему никакой другой не было нужно и такая мысль не приходила в голову.

– Я... может...

– Ты можешь любить кого хочешь, тут же речь не об этом. Если царь отдаст нам дочь, и печенеги, и аланы будут наши. И ступай тогда на кагана с песнями.

– У него дочери-то есть? – спросил Асмунд.

– Их пять! – Эльга заранее выпросила купцов, делая вид, будто ею движет обычное бабье любопытство. – Агафья, Анна, Зоя, Феофано, Феодора. Все уже взрослые.

– Это у Романа жена – Феофано. Говорят, потаскуху какую-то подобрал...

– Жена – Феофано, и сестра – Феофано, – Эльга уже не путала этих двух. – Жене царское имя родовое дали то же, что у сестры Романовой. Их у Коснятина пять девок – неужели нам одну пожалеет? Не солить же ему их!

– И отдаст за некрещеного? – Мистина кивнул на Святослава.

– Не буду я креститься! – возмутился Святослав под взглядами трех пар вопрошающих глаз. – Еще чего выдумали! Уродство такое! Того не делай, сего не желай, люби своих врагов! Да меня дружина засмеет!

– Дружина сделает, как ты, – напомнила Эльга, и оба воеводы кивнули.

– Так уже бывало, – добавил Мистина. – Я слышал, было немало таких случаев: если крестился конунг, крестилась и вся дружина.

– А если они не захотят? Если скажут, что я богов предал и стал под греков тонконогих рядиться?

– Ты помнишь, как эти тонконогие... – Эльга не хотела напоминать о поражении Ингвара, но считала, что преуменьшать силу соперника – глупо.

– Это потому что у них греческий огонь!

– Не только! – вздохнул Мистина, помнивший сражения в Анатолии с катафрактами Никифора Фоки, где никакого греческого огня не применялось.

– Крещение войне не помеха, – сказала Эльга. – Сам думай. С крещением получишь царевну, с царевной – помощь от печенегов и алан, а с ними – победу над каганом. Выбери. Ты – князь руси, тебе и решать.

В ту пору Святослав ничего не решил. Обещанный выигрыш был велик, но и цену предстояло заплатить немалую. Будут сложности со всеми: Прияной, дружиной, богами, народом... Ему хотелось померяться силами с Царьградом, ис-

пытать себя и свою удачу там, где отец потерпел поражение, кое-как заглаженное потом успехом похода Мистины по Малой Азии и новым договором три года спустя. Но пока он не понял: а есть ли у руси на это силы? Отцу его победа обошлась очень дорого, и теперь в Киеве ужас от «влажного огня» помнили лучше, чем привезенную осенью добычу.

Но вот настала весна, вскрылся Днепр, прошел верховой лед. Время отъезда посольства придвинулось вплотную. Прияна ходила «тяжелая», ей оставалось до родов не так долго, но беременность протекала нелегко, она измучилась сама и измучила домашних, особенно мужа, которого возмущало уже само то, что это бабьи тяготы не дают покоя и ему. Угнетали дурные предчувствия: от родов умирает каждая четвертая баба, когда не каждая третья, а Прияслава с детства Кошею принадлежит... Дружина же без устали толковала, как лучше идти на хазар.

Однажды Святослав пришел к матери и сказал:

– Будь по-твоему. Сватай царевну, но только если про хазар они твердо пообещают и клятву дадут.

– Клятву? Они дадут невесту, а при этом клясть уже не требуется.

– Как знаешь. Но чтобы никто из наших ничего не знал! Пока не решится все – чтобы как могила!

Это Эльга охотно ему пообещала: если им откажут, огласка принесет только напрасные раздоры и позор.

Однако, сидя в Киеве, она не представляла себе трудно-

стей задуманного дела. Свататься? К дочери василевса, который даже повидаться с ней готов разве что через три месяца?

Но не отступать же – ей, племяннице Вещего! Хочет василевс или не хочет – ему придется с ней поговорить!

* * *

После ухода Артемия Эльга отпустила всех из триклиния, а сама осталась сидеть, пытаюсь привести в порядок мысли и успокоиться. Вернулся Мистина, провожавший патрикия. Лицо у него было брезгливое: повернувшись к гостю спиной, он наконец дал волю чувствам. Расстегнул кафтан до самого пояса; сорочки под ним не было. Устав преть на жаре, бояре облегчали себе жизнь как могли.

– Решилась все-таки?

Хотя и так ясно: раз она объявила о желании креститься логофету дрома, а через него василевсу и патриарху, назад пути нет.

– А ты так и не понял, почему? – резко ответила Эльга. После беседы с Артемием ее трясло, и сейчас волнение и досада прорвались наружу. – Ты видишь, как нас принимают? Этого к... козла пернатого, мужежабу эту, нам пришлось неделю дожидаться, и он пожаловал сказать, что василевс раньше чем через три месяца для меня денька не выберет! Потому что мы для них – грязь под ногами! Он же сказал,

ты слышал: таких, как вы, тут каждый день толчется... И мы не заставим нас уважать, пока не станем с ними одной веры. Царь так и будет ко мне свою челядь посылать, словно я бродяжка и ко мне самому хозяину выходить невместно. И мы ничего не добьемся. И правы окажутся Сигдан, Вуефаст и прочие, кто твердит, что к грекам надо не посольства отправлять, а войско на тысяче кораблей. Я хочу говорить с василевсом, а не с его псами. Но не вижу, как мне этого добиться, кроме как стать его духовной дочерью. Когда он сам меня окрестит, то уже не сможет отказать мне во встрече.

– Уверена?

– Спроси Ригора. Он тебе объяснит, что такое восприемники от купели и каковы их обязанности. Он перед Богом своим будет обязан говорить со мной и разрешать все мои сомнения.

– О вере? – Мистина насмешливо поднял бровь.

Эльга почти с отчаянием воззрилась на него:

– Ну, если он так глуп...

Мистина рассмеялся, но не очень весело:

– А что если глуп? Что если и надо говорить не с ним, а со всеми этими...

– Я собираюсь... – Эльга быстро огляделась, желая убедиться, что никто их не слышит, – я собираюсь, – она понизила голос, – сватать его дочь. С кем говорить о таком деле, если не с отцом? Он может передать любые дела царедворцам, но отцом своим дочерям остается он сам. Но если хотя

бы я не буду к этому времени крещена, то заводить такой разговор – только напрасно позориться. Все равно как... Не слышал, есть такая сказка, как конунгова дочь подобрала на болоте лягушку, а та ей и говорит: поди за меня замуж!

Мистина захохотал, мотая головой: не всякий день увидишь, как княгиня русская изображает влюбленную лягушку. Эльга закрыла лицо руками и замерла. Ее мучила отчаянная тревога, будто предстояло идти по тонкому льду к невесть какому берегу. Но другого пути не просматривалось.

– Тебе страшно? – с пониманием спросил Мистина.

Он-то знал, что в этом своем решении Эльга колебалась до самого последнего мгновения.

– Мне страшно! – не отрывая рук от лица, она кивнула. Зять был одним из двух-трех человек, кому она могла признаться в чем-то подобном. – Я не знаю, что со мной будет, когда я... окажусь во власти Христа. Сама отдам себя на милость... бога, которого не знали мои деды.

– Спроси у Ригора, – насмешливо посоветовал он.

Эльга опустила руки.

– А ты не хочешь идти со мной! – как обвиняя, выкрикнула она.

Мистина молча помотал головой. Взгляд его отвердел, будто закрылись заслонки на окнах души: он видел ее, но не давал заглянуть в себя.

Эльга не могла сказать ему «ты боишься» – в его храбрости она не сомневалась. И не могла признаться, чего сама

боится сильнее всего. Даже не того, что после крещения ее жизнью начнут править иные законы, и за каждый свой шаг, даже за каждый помысел придется отвечать перед суровым и всеведающим Богом греков. Не угадаешь, где согрешишь. И когда тебя постигнет наказание: при жизни, после смерти? Во всем себе отказывать, радоваться земным бедам, ибо они искупают грехи и облегчают посмертную участь. Сидя над пожарищем, приговаривать радостно: Господь посетил! Вот потому Святослав и говорит, что Христова вера – «уродство одно».

Хуже было другое. Эльга отчаянно боялась, что вода крестильной купели и впрямь смоеет с нее все прежние привязанности и устремления. Что все ее близкие, не прошедшие через купель, станут ей чужими. А это – почти все ее окружение: Святослав, Мистина, Асмунд, Улеб. Бояре в Киеве. Другие русские князья. Ей станет так же трудно понять их, как еще год назад они не понимали друг друга с Олегом Предславичем. Но с ним они говорили всего лишь о семейных делах. А со всеми этими людьми ей вместе править русью и Русской землей! Как они будут это делать без понимания? И не погубит ли этот ее шаг державу, которую она хочет возвысить?

Ригор обещал, что взамен она получит неопишное блаженство Божьей любви. Но трудно решиться променять знакомое и привычное на неведомое.

Мистина был рядом с ней все двадцать лет ее существова-

ния как княгини киевской. А теперь у Эльги появилось чувство, будто она уезжает навсегда, а он остается. Потерять его было так же страшно, как саму себя. В прошлом она уже переживала этот страх – когда ждала в Киеве и не знала, вернется ли он живым из Греческого царства. Теперь же ее ожидал совсем новый страх – утратить ту связь, что и делало боязнь потерять Свенельдича такой сильной. Он охотно согласился ехать с ней за Греческое море, как ездил с Ингваром, но путь в царствие небесное его не прельшал.

– Ты не веришь ему? – спросила она у Мистины. – Ригору?

Он снова покачал головой:

– Если ему верить, то все наши боги – не боги, а бесы, так?

Но ведь мы все – ты, я, мой отец и мать, Ингвар, ваш сын – мы ведем свой род от этих якобы бесов. Если их нет – то кто мы такие и откуда взялись? Или, может, все наши родовые предания, все наши родословия, где перечислены двадцать пять поколений между нами и Одним – ложь?

Эльга неуверенным движением наклонила голову вбок.

– Ну... Крещеные короли говорят, что Один был не богом, а прославленным вождем, который завоевал...

– Вся наша удача основана на том, что мы – потомки богов, что наша кровь течет из Асгарда. А наши права на власть над людьми основаны на нашей божественной удаче. Если мы сами же объявим ложной святость нашей крови, мы тем самым откажемся от своих прав. И кем мы станем?

– Но Христос дает королям власть! Он сам прислал свя-

тому Константину – не этому, а тому, который основал Город, – царские венцы и мантии, и теперь каждый новый август надевает их и тем самым получает, вместе с помазанием святым миром, право на власть прямо от Бога.

– И тебе нравится, – Мистина недоверчиво поднял брови, – право, которое может захватить всякий оборванец, если успеет всунуть голову в царский венец? Я тут уже наслушался: у греков любой род правит поколения три, а то и меньше. А потом Бог вручает власть кому-нибудь другому. Ты желаешь такого для руси? Ты – наследница Вещего, нашей священной удачи?

Эльга молчала, не в силах найти ответ.

– Ну, а вдруг... – она подняла взгляд, – вдруг таинство крещения дает благодать, которая еще сильнее той, старой удачи?

Ее голубовато-зеленые, смарагдовые глаза искрились надеждой, но, встретившись с серыми, как холодный стальной клинок, глазами старшего посла, погасли.

– Там все крещены, – Мистина указал на окно, имея в виду Греческое царство. – Даже эта мужежаба Артемий. Даже Мардоня и его последний раб, таскающий дрова на поварню. Все они хоть раз приобщались к благодати. И теперь любой из них может стать здешним царем. Не хотел бы я, чтобы у нас в Киеве началось такое же!

Помолчал и добавил:

– Но разве у тебя есть другой путь?

Он знал, что нет. Ведь это он метнул ту сулицу, которая навеки разорвала связи Эльги с родом и предками.

– Ты поможешь себе, – продолжал Мистина. – И может, поможешь Святше воевать кагана, а всей руси – создать державу не слабее здешней. Сквозь века тебя будут прославлять как самую мудрую и отважную женщину.

– Я сейчас в тебя чем-нибудь брошу, – устало пригрозила Эльга. – Ты обещаешь мне славу и все-таки не хочешь идти за мной.

– Нет.

Она встала с сундука и подошла к нему вплотную. Не понимая, чего она хочет, Мистина тоже встал. Эльга подняла руку, коснулась его груди, где сердце, и провела кончиками пальцев по коже в продольном разрезе кафтана. Сначала Мистина застыл – уже несколько месяцев, всю дорогу сюда, им с Эльгой не случилось побыть наедине, – а потом выдохнул: сообразил, что она ищет.

– Шрама не осталось, – сказал он ей в затылок под убрсом. – Без следа зажило.

– А там, внутри? – Эльга подняла глаза и легонько потыкала пальцем ему в грудь, будто хотела коснуться сердца.

– Там внутри... ты же не потеряла мой скрам?

...Прошло семь лет, но оба они крепко помнили тот день и тот час – перед пиром над могилой Ингвара, что для древлянских старейшин стал последним. Приехав на поминки по

мужу, Эльга не сразу решилась доверить Мистине свой истинный замысел. Сидя в темной избушке близ Малин-городка, пока отроки готовили угощение для живых и мертвых, она расспрашивала о его путях за эти месяцы, пытаясь понять, на чьей он стороне и что намерен делать. Она не видела его все лето и осень, и в Киеве многие считали, что он приложил руку к убийству Ингвара, надеясь завладеть землей Деревской.

И он, пятнадцать лет ее знавший, понял это. За все те годы не случилось, чтобы за столь долгий разговор она ни разу не взглянула ему в глаза. Она могла сердиться на него, кричать. Обещать чем-нибудь бросить, хотя на деле бросила в него ложкой или ковшом не более двух раз. С годами Эльга научилась держать себя в руках, но когда она встречала взгляд Мистины, в котором светилась знакомая снисходительная насмешка, в ней пробуждалась все та же юная ярость. Ее гнев ему было легче перенести, чем эту отстраненную скованность.

– Эльга...

Он замолчал, вынуждая ее посмотреть ему в глаза. Вынул из ножен у пояса скрамасакс, повернул лезвием к себе и вложил костяную рукоять в ладонь Эльги. Сжал ее пальцы на рукояти. Она с недоумением следила за ним: Мистина растегнул свой белый «печальный» кафтан, приставил острый кончик длинного лезвия к груди напротив сердца и, своей ладонью сжимая ладонь Эльги на рукояти, слегка нажал.

Она невольно вскрикнула, чувствуя, как острое клинка прокалывает кожу и входит в живое тело. Но все это время Мистина не отрываясь смотрел ей в глаза, не давая отвести глаз от его лица. Ни мускул, ни взгляд на нем не дрогнул. Мистина замер, предлагая ей самой продолжить это движение.

– Ты веришь мне? Если нет, то покончи со мной сейчас. Я поставил между ребер, войдет прямо в сердце.

Эльга потянула клинок на себя. На белом полотне сорочки заалела капля крови – будто ягода-брусника.

– Ну, хватит с нас этой чухни? – спросил Мистина.

В глазах его, в голосе не было ни стыда, ни страха – только гнев и досада. И Эльга вновь увидела в нем ближайшего к ней и Ингвару человека, не доверять которому можно только в помрачении рассудка. Захотелось заплакать, потому что впервые за эти страшные дни рядом появился человек, на которого можно переложить хотя бы часть этой тяжести. Но Эльга сдержалась, ибо понимала: ему хватает и своей. Она знала Ингвара пятнадцать лет, а Мистина его – вдвое больше. Сколько себя самого помнил.

Потом она спрашивала: как он на это решился, ведь она, едва узнав о своем вдовстве, в смятении чувств вполне могла нажать на клинок. В беде, за которую не спросишь ответа с истинных виновников, часто обвиняют тех, кто рядом. А он отвечал, что ему тогда было все равно: за короткий срок он потерял отца и побратима, но хуже всего – мог потерять

честь, если бы вдова и сын Ингвара решили, что он, Мистина, предал своего князя.

Тот скрам он не забрал назад и оставил Эльге. Она хранила его в ларе, на котором обычно сидела...

– Ты! – стоя в триклине палатион Маманта, Эльга коснулась пальцем того места на его коже, где когда-то адела капля крови. – Ты отдал мне свою жизнь.

– Но свою душу я тебе не отдавал, – Мистина сжал ее кисть в ладони.

– Ты сказал мне однажды, что я – твой конунг. А дружина следует за конунгом всегда. Даже если тот решает креститься – помнишь, ты сам говорил Святше.

– Да. Ты – мой конунг, и таких слов не берут назад. Но поскольку ты к тому же еще и женщина, – он улыбнулся и слегка потряс ее кисть, – то я оставляю за собой право решать, каким образом сумею послужить тебе лучше.

Эльга втянула воздух в грудь, с усилием подавляя досаду. Мистина считал себя умнее ее, и в общем был прав. За двадцать лет Эльга привыкла к этому, но не сказать чтобы смирилась.

– Я отпускаю с тобой *туда* свою жену и дочь, – продолжал Мистина. – Даже Велеська на вас посматривает, и, если он решится принять крест, я не стану ему запрещать. Пусть решает сам, он ведь, в конце концов, уже меч носит! И ты думаешь, – с прорвавшейся досадой воскликнул он, снова

тряхнув ее руку и вынудив взглянуть ему в глаза, – *мне* не страшно, что на другой день после своей купели вы все и смотреть на меня не захотите?

Эльга улыбнулась, желая его успокоить, но улыбка получилась жалкая: в первую голову ей требовалось убедить саму себя, а вот это не получалось. Она потянулась к нему, ее рука скользнула с его груди на шею; Мистина быстро наклонился и жадно поцеловал ее. Эльга вздрогнула – его яростный порыв после нескольких месяцев врозь потряс ее, а к тому же пронзил испуг – целоваться среди бела дня, в палате, где кто угодно их может видеть... даже Ута! Но и оттолкнуть его она не могла – именно сейчас, когда их связи грозил разрыв по причинам более глубоким и весомым – тем, что идут изнутри, а не снаружи, – оба они трепетали от сознания ее важности. Настойчивым глубоким поцелуем, с таким пылом, какой редко встретишь у зрелых людей, Мистина пытался сделать сразу все – напомнить о прошлом, разжечь страсть в настоящем и закрепить будущее. Эльга отвечала ему в отчаянии, как в последний раз, и слезы проступали под опущенными веками.

Не раз они выдерживали жизненные бури вместе – выдержат ли по отдельности? Сможет ли василевс или сам бог дать ей такую же помощь, какую давал Мистина?

Было ясно, что на шитом рушнике патриарха никто Эльге не преподнесет. Испросив позволения, она послала Одульва к патриарху и получила в ответ приглашение посетить его.

Наутро во двор палатиона Маманта вновь вынесли носилки. Эльга уселась и в сопровождении вестиаритов под началом Даниила (которого, как выяснили отроки, на самом деле звали Даглейк) пустилась в недалекий путь до гавани. Кроме женщин, с нею ехали только трое приближенных: Мистина, его зять Войко и Алдан. По сторонам мощенной кирпичом дороги тянулись полевые наделы и заросли. Освоившись с архонтиссой росов, Даглейк охотно отвечал на вопросы женщин: вот это – виноградник, там растет ягода, из сока которой делают вино, но сейчас она еще не созрела. Вот эти листья, похожие на дружелюбно раскрытую ладонь с толстыми пальцами – сики. А это – оливы, лимоны, гранаты. Издалека толстые узловатые стволы олив казались одетыми серебряным сиянием, но вблизи становились видны тонкие ветки с длинными узкими листьями. Плоды их – соленые и в укусе – женщины уже видели среди доставляемых им припасов, и теперь веселились, глядя, как это все растет. По большей части деревья были невысоки, зато пышнокудры – над тонким, зачастую кривым стволом клубилась широкая крона.

– Чем-то похоже на иву! – Эльга с любопытством разгля-

дывала тонкие веточки. – Но стволы будто изглодал кто!

– Вот эти – очень стары! – Даглейк показал на оливы, будто распавшиеся от времени на две части. – Им, может, лет по пятьсот!

– Любопытно! – Эльга обернулась к Уте. – У нас деревья посильнее собой.

– Зато красоты такой не найдешь! – Ута кивнула на гранатовое дерево у каменной стены: усыпанное ярко-красными крупными цветами, что соседствовали на тех же ветках с мелкими, еще неспелыми плодами.

– Ты увидишь, как красиво будет, когда все это созреет! – сказал Даглейк. – Как раз когда подойдет время вашего приема в Мега Палатионе, все эти цветы превратятся в «пунические яблоки», красные как кровь!

В гавани Эльга со свитой уселась в лодьи и поехала сперва вдоль Босфора, потом через устье Суда – к Боспорию, той же гавани, где они стояли в день прибытия. Только теперь, дней через десять по приезде, великий Город выразил готовность раскрыть перед нею ворота.

На причале их встречал сам этериарх Савва верхом и другой, тоже конный, отряд вестиаритов. Эльгу ждали другие носилки, ее свиту – лошади.

– Я хочу увидеть Золотые ворота! – сказала Эльга Савве, когда он поприветствовал ее и проводил к носилкам. – Ты покажешь их мне?

– Может быть, на обратном пути, – с сомнением ответил

Савва. – Мы сейчас к северу от Города, на берегу Сунда, а Золотые ворота – с южной стороны стен, близ Пропонтиды¹⁷.
Нехорошо заставляя патриарха ждать.

– Надо думать, щита моего дяди Одда на них уже нет?

– Никогда не видел.

– Куда он мог деться, как по-твоему?

– Надо думать, украли! – засмеялся Савва. – Это такой город – тут ничего нельзя оставить без присмотра, а что исчезло, то обычно не находится. Сейчас мы приглядим за вами, но на будущее скажи своим людям: как будете в Городе, пусть следят за своим имуществом в оба глаза.

В громаде стены ворота казались дверкой. Они вошли... И началось... Люди Саввы взяли за поводья коней, на которых ехали боярыни: изумленные и растерянные, те не удержали бы животных, а так от них требовалось лишь удержаться самим.

Эльга еще в Киеве, пока готовилось посольство, выпросила у купцов как можно больше о граде Константина. Она знала, что здесь нет ничего особенно страшного и по этим улицам можно пройти – с должной осмотрительностью – без опасности для жизни. Но одно дело – знать, а другое – видеть своими глазами эти каменные стены зданий, похожие на горные гряды, каменные столпы высотой... такой высотой, что кружится голова. С непривычки казалось, что они пада-

---

¹⁷ Пропонтида – Мраморное море. Омывает мыс, на котором стоит Константинополь, с другой стороны от залива Золотой Рог.

ют все разом прямо на тебя. Поначалу мучило желание сжать голову руками и зажмуриться: те, кто привык видеть вокруг низкие избы, очутился среди каменных строений, высотой с три-четыре избы, поставленных одна на другую! Они уже попривыкли к своему палатиону Маманта, но увидеть вокруг себя сразу десятки таких – совсем иное дело. Полукруглые своды дверей и окон, с тонкими столпами из тесаного камня, с резьбой, с изваяниями людей, птиц, зверей! Опыт их собственной жизни или даже рассказы бабок не предлагали ничего подобного, им было не с чем сравнить увиденное, не находилось слов для описания. И оттого все вокруг казалось сном.

Камень, везде камень. Белый и гладкий, или серо-желтый и шершавый. Ни одной избы бревенчатой. Даже под ногами не земля – тоже каменные плиты. Казалось, и вместо воздуха здесь жидкий камень – густой и раскаленный южным солнцем. За громадами камня всех видов не разглядеть неба – все это давило, будто сыпалось на голову, отчего слабели ноги и крутило в животе. Ни в одном дурном сне они не встречали такого: улицы будто ущелья между каменными стенами, нигде нет выхода на простор, одно ущелье выводит в другое, и везде эти ряды столпов, полукруглые своды, резьба... И люди, люди: живые и каменные.

Но каменные хоть стояли спокойно. Живые толпились на улицах и площадях, оборачивались, показывали на Эльгу и ее приближенных. Что-то кричали. Княгине не привыкать

быть на виду, но никогда еще на нее не смотрели, как на чудо морское! Какие-то смуглые оборванцы в широких дырявых рубахах пытались лезть ближе, протягивали руки – люди Саввы отгоняли их плетью и древками копий.

Потом русы оказались на огромной площади. И снова вскрикнули, пораженные. Посередине высился огромный толстый столп. Примерно такими должны быть те столпы из преданий, по каким можно добраться до неба. И кое-кто уже пытался это сделать – наверху стоял бронзовый всадник. Конь его держал приподнятой переднюю ногу, будто намеревался шагнуть вниз, и Эльга ощутила дурноту. Всадник же поднял руку, будто приветствуя богов – не людей же, жалких букашек, которых ему и не заметить со своей небесной высоты. Столп опирался на каменную подставку величиной с хорошую избу, куда вели с десятков белокаменных ступеней.

– К-кто это? – Эльга невольно указала на него пальцем.

– Это василевс Юстиниан, прозванный Великим, – объяснил ей Савва с таким непринужденным видом, будто они с этим Устинианом нередко вместе пили. – Он правил ромеями четыре столетия назад и прославил себя и всю державу. Повелитель множества народов и вершитель множества славных деяний.

– А... Почему он там? – Эльга не понимала, как давно умерший василевс очутился на вершине золотого столпа, вместо того чтобы давно обратиться в могильный прах. – Как он туда попал? Что за чары его сохраняют?

– Это его изображение, изваяние из бронзы, воздвигнутое ради его славы и памяти ромеев, – без тени улыбки объяснил этериарх, видимо, помнивший, как сам увидел это впервые. – А тело его предано погребению в церкви Апостолов.

Значит, это не окаменевший человек, а литой из бронзы чур. Но уложить это у себя в голове по-настоящему было трудно: уж очень эти литые греческие чуры походили на людей в каждой мелочи – в каждом волоске, в каждой складке одежды. Иные живые люди не так похожи на людей, как эти, бронзовые...

– Вот Святая София, – Савва показал ей на другую сторону площади и перекрестился с почтительным видом. – Патриарх живет при храме, тебе нужно пойти туда.

Эльга повернула голову. И замерла, расширенными глазами пытаюсь охватить открывшееся зрелище.

Святая София тоже в первые мгновения показалась некой рукотворной горой – причудливых, но выглаженных и упорядоченных очертаний. То прямые линии, то округлые в удивительном согласии уводили взгляд все выше и выше... Будто прыгая с уступа на уступ, дружески подставлявших ему плечи, взор поднимался до сияющего полусолнца, что служило кровлей, а еще выше сиял золотой крест, с которого взгляд соскальзывал и погружался в синеву небес. И тонул там. Трудно было вернуть его вниз, хотя невероятное сооружение тянуло к себе.

Они проследовали через окруженный колоннами двор –

величиной с иное городище. Посреди него красовалась «крина», как в палатине Маманта, но куда больше: круглая кровля на столбах, под ней широкая каменная чаша, а из чаши росла вверх, будто чудный прозрачный куст, струя воды. Эльга не могла понять, где же вход в эту гору и где, собственно, храм: все сооружение состояло из множества слитых меж собой построек, перетекавших одна в другую. Округлые своды, столпы, переходы, сводчатые окна каменными волнами омывали стены главного храма...

– Мы войдем через воинские покои, – Савва подал знак рабам опустить носилки, – где василевс оставляет свою стражу. Там я останусь с моими «львами», но тебя встретят посланцы патриарха.

Отроки сняли княгинь с лошадей. Те едва стояли на ногах.

– Н-ну и ст-тволы! – заикаясь, с выпученными глазами, бормотала Прибыслава. – Б-будто упадут сейчас все на меня!

Никто не смеялся. Предслава, цепляясь за руку своего мужа, лишь с потрясенным видом крутила головой.

Савва повел Эльгу внутрь, за ними следовала ее свита и часть вестияритов. Эльга шла с сильно бьющимся сердцем и стесненным дыханием. Перед ней очутились изукрашенные ворота в каменной стене, раскрытые створки сияли узорной бронзой. Усилием воли она принуждала себя делать шаг за шагом. Казалось, неведомый мир сам затягивает ее, и уже невозможно остановиться, повернуть назад. Но что там

внутри?

– Не тревожься, королева, – ласково сказал Савва. – Службы бывают только в конце недели и по праздникам, а сегодня там тихо и не так много людей: народ запускают только по особым случаям. Бог – почти единственный, кого ты там встретишь.

– Что? – Эльга в ужасе воззрилась на него.

– Господь пребывает там постоянно. Но я лишь хотел сказать, ничто не будет отвлекать тебя от созерцания Его величия.

«Нет, я не пойду!» – просилось на уста, но Эльга промолчала.

Для этого она приехала сюда, проделав долгий путь по Днепру и через море. Она хотела встречи с Богом греков. Не отступать же с самого порога!

«Шел-шел Зорька, видит: лежит плита железная, а под ней яма глубокая, дна не видать, – когда-то в давно минувшем детстве рассказывала им с Утой баба Годоня. – Он и думает: дай спущусь, посмотрю, каково царство подземное? Отвалил плиту, стал спускаться...»

Сказка ведь не только забава. Путь в Золотое царство лежит через мрак. Нужно идти...

* * *

Ступив под каменные своды, Эльга почти сразу перестала

понимать, откуда пришла и где выход. Храмовое царство поглотило ее и подавило. Перед ней тянулась высокая, длинная пещера с ровными стенами, отделанными цветным гладким камнем. Зеленый, желтый, серый, розовый, красноватый камень лежал узорами: разводами, пятнами, полукружиями, будто окаменевшие складки шелковой ткани. Все так, как в преданиях о чудесах подгорных владений. Перехватило дыхание: сам воздух здесь казался волшебным. Делая каждый шаг, невольно она ожидала, что само ее присутствие сейчас вызовет к жизни какое-нибудь чудо.

И это царство не пустовало. Прямо впереди, наверху под кровлей, на полукруглом золотистом поле виднелись трое: посередине женщина с младенцем на руках, по бокам – двое мужчин. И эти двое бородачей почтительно склонялись перед женщиной, признавая в ней госпожу. Они были одеты в золоченые платья, а она – в простое, темное, и тем не менее женщина сидела на белокаменном престоле, а они подносили ей что-то вроде домов или городов, будто хлеба на блюде... Кто же эта женщина – принимающая в дар храмы и крепости?

Подошли несколько священников – посланцев патриарха, и Савва поклонился Эльге, давая понять, что передает ее их попечению. Им повелели провести архонтиссу росов через Великую церковь, а потом проводить в покои патриарха. Один из них, Вонифатий Скифянин, был болгарин, как и Ригор, поэтому мог говорить с Эльгой без толмача.

Новые провожатые повели Эльгу через другую «пещеру» – еще более огромную, широкую и высокую, с богато украшенным полутемным сводом. Лишь мельком она замечала мраморные косяки дверей – высотой с две избы, – сами двери, сплошь покрытые узорной бронзой. Не то, как дома, где почти в любую дверь нужно заходить, сильно нагнувшись. Здесь, сколько ни тянись, до верхнего косяка не достать. Даже на плечи встать кому из товарищей – все равно не достать. И если нагибаясь, человек чувствовал себя большим, то здесь, возводя глаза к верхнему краю косяка и с трудом его отыскивая, он становился маленьким, как мышь. Так и казалось, что сейчас появятся истинные хозяева этого дома – которым здесь все по росту, – и спросят: эй, мальки, а вы тут чего забыли? «Таковы жилища великанов!» – подсказала память из детства. – «Или Бога!» – поправило новое знание. В душе Эльги происходила огромная перемена, старые представления о владыках мира отодвигались во тьму и заменялись другими. Она увидела воочию жилище греческого бога, и разум не мог не признать превосходство увиденного над тем, что лишь воображалось ей и ее предкам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.